

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
Кафедра журналистики

**ПУБЛИКАЦИИ А. БОРОВИКА О ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ В
КОНТЕКСТЕ ОСВЕЩЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» В 1987-1989 ГГ.**

Выпускная квалификационная работа студентки

очной формы обучения
направления подготовки 42.03.02 Журналистика
4 курса группы 86001223
Бутурлакиной Марии Александровны

Научный руководитель
кандидат филологических наук
доцент
Нарожняя С.М.

Рецензент
кандидат филологических наук
доцент
Карпенко И.И.

БЕЛГОРОД 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ	9
1.1 Журнал «Огонек» в контексте периода перестройки	9
1.2 Освещение международной жизни в журнале «Огонек» в 1987- 1989 гг.....	17
ГЛАВА II. ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ А. БОРОВИКА (ЖУРНАЛ «ОГОНЕК», 1987-1989 ГГ.)	30
2.1 Проблемно-тематический спектр журналистских материалов А. Боровика об Афганистане	30
2.2 Жанрово-стилистические характеристики публикаций журналиста.....	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	58
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	64

ВВЕДЕНИЕ

К 1985 году Советский Союз нуждался в серьезных преобразованиях. Страна находилась в предкризисном состоянии, и изменения должны были затронуть все сферы жизни общества, прежде всего экономику и политику. Пришедший к власти М. С. Горбачев провозгласил начало перестройки Советского Союза и политику гласности. Средства массовой информации становятся одним из ведущих инструментов преобразования общества. На страницах газет и журналов, на телеэкранах и по радио рассказывалось о нынешнем состоянии страны, о планах по улучшению жизни, о том, что уже удалось воплотить в жизнь. Ученые, экономисты, политологи, специалисты разных профилей через СМИ давали огласку своим идеям по модернизации страны. Помимо экспертов любой гражданин СССР мог высказать свои идеи и предложения. Начался и пересмотр истории Советского Союза, в особенности периода сталинизма: с резкой критикой сталинского режима выступали историки, ученые и обычные люди. В задачах СМИ было не только информирование, но и изменения сознание людей: каждый человек должен был понять, что стране необходима перестройка, и нужно приложить максимальные усилия для ее достижения. На телевидении создавалось много новых программ, которые рассказывали о перестройке, о том, чего уже удалось достичь. В прессе появились тематические страницы, рассказывающие об успехах перестройки.

С одной стороны, бурные события внутри страны обернулись тем, что интерес граждан к международной тематике понизился. Но с другой, сам генсек считал, что без пересмотра взглядов на мировую политику, без улучшения отношений с Западом, без «нового политического мышления» невозможно проводить перестройку внутри страны [51, с. 136].

В годы перестройки журнал «Огонек» занимал лидирующие позиции среди журнальной прессы и пользовался большой популярностью у советских граждан. Из публикаций, подготовленных корреспондентами журнала, люди узнавали не только о том, что происходило на территории

государства, но и о мировых событиях, о жизни людей в других странах. Несмотря на происходившие изменения, которые оставили яркий след в истории СССР, на страницах крупных изданий освещалась и международная жизнь Советского Союза.

Война в Афганистане, в которой Советский Союз участвовал с 1979 по 1989 гг., стала одной из страниц истории страны. До 1985 года об этой войне можно было прочесть лишь редкие короткие информационные заметки в центральных изданиях. После провозглашения гласности в СМИ стали появляться материалы разных жанров, в которых рассказывалось о войне в Афганистане, о солдатах-афганцах и их судьбах. Сегодня существуют монографии, воспоминания об этой войне, но это событие нашей истории еще не нашло полного и объективного освещения и анализа.

Война в Афганистане стала одной из международных тем, которая освещалась в журнале «Огонек». С 1987 по 1989 год в журнале публиковались материалы Артема Боровика. В них автор описывал быт солдат, рассказывал об их переживаниях, об отношении к войне и жизни, делился своими мыслями и погружал читателя в ту атмосферу, в которой солдаты находились ежедневно.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что периоды коренных изменений в жизни общества всегда вызывают интерес исследователей. Не меньший интерес вызывает и работа средств массовой информации, оказывающих большое воздействие на мировоззрение людей, на их отношение к сложившимся в обществе ситуациям. Особый интерес представляет то, какие международные темы поднимали СМИ в период перестройки, какая оценка давалась международным отношениям СССР с другими странами и др. Как освещалась война в Афганистане, на какие ее моменты обращал внимание Артем Боровик, как он рассказывал об участвовавших в ней советских военных – все эти вопросы вызывают особый интерес: афганская война и сегодня еще не получила полновесного объективного анализа.

Степень научной разработанности проблемы. Сегодня существует ряд исследований, посвященных проблемам перестройки в СССР. Большая часть этих работ посвящена внутренней жизни страны, в то время как анализ внешней политики СССР в обозначенный период представлен неполно. Менее детально проанализировано и то, каким образом международные темы освещались в советских СМИ периода перестройки, в том числе долгое время не обсуждалась тема афганской войны. Сегодня, спустя несколько десятилетий, интерес исследователей к этой теме повышается.

Теоретическая база исследования. Период перестройки привлек интерес многих исследователей. Так, изучением особенностей освещения периода перестройки в СМИ занимались А. А. Грабельников (23, 24), М. И. Савинцева (55), Н. М. Тобольцева (61), М. Ненашев (43, 44), Д. Н. Муравьев (39, 40) и др.; процессу развития демократизации и гласности посвящали свои работы М. С. Горбачев (21, 22), Е. А. Сырцева (59), С. Устинкин (62), П.В. Ушанов (63) и др.; о развитии средств массовой информации в интересующий нас период писали Р. П. Овсепян (48), М. М. Козлова (35), М. Геллер (18) и др.; об особенностях освещения советскими СМИ войны в Афганистане можно познакомиться в работах Н. Авдониной (2), В.В. Кашариной (33).

Объект исследования – публикации А. Боровика о войне в Афганистане в период с 1987 по 1989 гг.

Предмет исследования – проблемно-тематические, жанровые и стилистические особенности публикаций А. Боровика об афганской войне в журнале «Огонек» (1987-1989 гг.)

Цель работы – выявить, как и в каком контексте освещалась афганская война в публикациях А. Боровика в журнале «Огонек», как автор рассказывал об участвовавших в войне советских воинах, каковы жанрово-стилистические характеристики публикаций журналиста.

Задачи:

- 1) изучить исследовательскую литературу по теме дипломной работы;

2) изучить особенности истории журнала «Огонек» в период перестройки;

3) проанализировать освещение международных отношений в журнале «Огонек» в 1987-1989 гг.;

4) выявить проблемно-тематическое поле публикаций А. Боровика о войне в Афганистане;

5) описать жанрово-стилистические особенности журналистских материалов Артема Боровика об афганской войне.

Эмпирическая база. В период с 1987 по 1989 в журнале «Огонек» было опубликовано 9 материалов А. Боровика, освещавших войну в Афганистане, которые мы и проанализировали. В 1987 вышел цикл «Встретимся у трех журавлей», состоящий из трех публикаций; в 1988 году вышел один материал – «Десант севернее Кабула»; в 1989 – документальная повесть «Спрятанная война», состоящая из пяти публикаций.

Методы исследования:

1) проработка научной литературы позволила изучить особенности журналистики и журнала «Огонек» периода перестройки;

2) метод контент-анализа, используемый при изучении публикаций А. Боровика о войне в Афганистане, позволил проанализировать материалы с точки зрения их проблемно-тематической характеристики;

3) метод классификации, примененный при анализе освещения международных тем в журнале «Огонек» и проблемно-тематического разнообразия материалов А. Боровика;

4) метод описания, использованный при анализе истории журнала «Огонек», журналистики периода перестройки и характеристике публикаций А. Боровика;

5) биографический метод, примененный при изучении публицистического творчества А. Боровика периода перестройки.

Новизна дипломной работы заключается в том, что в ней проанализированы проблемно-тематические и жанрово-стилистические

особенности опубликованных в журнале «Огонек» в 1987-1989 гг. материалов А. Боровика, несколько раз в обозначенный период посещавшего военные базы ограниченного контингента советских войск в Афганистане и написавшего о своих впечатлениях.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при изучении истории отечественной журналистики и публицистики периода перестройки. Практическая ценность состоит в том, что в научный оборот вводится новый эмпирический материал, позволяющий получить представление об освещении в советских печатных СМИ периода перестройки темы афганской войны.

Промежуточные итоги данного научного исследования прошли **апробацию** в рамках научно-практической конференции студентов факультета журналистики НИУ «БелГУ» (апрель 2016, НИУ «БелГУ», доклад на секционном заседании конференции по итогам НИРС) и были опубликованы в сборнике конкурсных материалов Всероссийского научного семинара «Медиацентризм СКФУ: взгляд молодых исследователей» (Ставрополь, 2016).

Структура дипломной работы: ВКР состоит из Введения, первой главы основного текста, второй главы – практической части, Заключения, Списка использованной литературы и Списка источников.

Во Введении обозначены актуальность темы, предмет и объект исследования, задачи и методы, новизна и теоретическая и практическая значимость дипломной работы.

В первой главе представлена краткая история одного из популярных отечественных массовых изданий периода перестройки, проанализировано содержание журнала «Огонек» в период перестройки с точки зрения освещения в нем международных отношений в 1987-1989 гг.

Во второй главе представлены результаты анализа публикаций Артема Боровика о войне в Афганистане в аспекте их проблемно-тематических, стилистических и жанровых особенностей.

В Заключении обозначены выводы дипломной работы.

ГЛАВА 1. ТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

1.1 Журнал «Огонек» в контексте периода перестройки

Новая эпоха в истории Советского Союза и журналистики начинается с 1985 года, когда к власти приходит М.С. Горбачев. После эпохи застоя государство имело ряд проблем и нуждалось в серьезных изменениях во всех сферах жизни общества, особенно в политике и экономике. На XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев объявил начало перестройки под лозунгом: «Без гласности нет перестройки и нет демократии» [38, с. 576]. И. В. Кузнецов характеризует попытку Горбачева внести изменения следующим образом: «Была предпринята смелая попытка обновить социализм, вдохнуть новую жизнь в умирающую систему» [38, с. 576], и хоть успехом эта попытка не увенчалась, все-таки в журналистике произошли перемены, и прежде всего, это прорыв к открытости и свободе слова.

В своей книге «Перестройка и новое политическое мышление» Михаил Горбачев дает несколько определений перестройке, приведем одно из них: «Перестройка – это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма» [22, с. 30]. Под влиянием А. Н. Яковлева Горбачев решился на политику гласности в прессе, ставшей катализатором не только реформ, но и отказа от догм социализма [7, с. 56].

В своей книге «Политическая история современной России» В. Согрин отмечает: «Гласность означала выявление всех недостатков... критику и самокритику исполнителей «сверху донизу», а перестройка предполагала внесение структурных изменений в хозяйственные, социальные, политические механизмы, а также в идеологию...» [Цит. по: 12, с. 10]. Гласность и открытость должны были идти совместно с перестройкой. Первым актом гласности

считается поездка М. С. Горбачева в Ленинград в 1985 году. В своих мемуарах «Жизнь и реформы» он вспоминает эту поездку: «Состоялся непривычный контакт руководителя с людьми. Выступление без всяких бумажек и предварительной консультации с коллегами создало целую проблему для Политбюро» [18, с. 315-316]. Еще одним шагом на пути к гласности можно считать первые интервью М. Горбачева западным СМИ: в сентябре 1985 г. интервью у Генерального секретаря взяли журналисты американской газеты «Time», а в октябре состоялась беседа с журналистами французского телевидения. В общении с представителями зарубежных СМИ глава Советского Союза заявил, что советские граждане и люди из-за рубежа должны иметь возможность ездить друг к другу [54, [http](#)].

Политика перестройки была порождена объективно назревшим в обществе протестом против тоталитарной системы и идеологии, нарушений прав человека, а также действиями официозной пропагандистской машины, являвшейся инструментом внедрения идеологических и социальных мифов и стереотипов в массовое сознание. «Во многих официальных материалах, представленных в печати, обосновывалась необходимость выхода из тоталитарной системы управления страной и ликвидации гегемонии КПСС» [44, с. 131].

СМИ активно пропагандировали программу по перестройке государства. В печати появляются материалы о том, как осуществляется программа, что уже удалось воплотить в жизнь, а какие изменения только ожидают своей очереди. В 1988 году был принят Закон о гласности. Несмотря на то, что «плюрализм мнений» стал одним из главных девизов этого периода, для большинства СМИ, которые на протяжении более 70 лет публиковали материалы под одним углом зрения, это был нелегкий период, так как они не привыкли к объективному отражению информации [58, с. 288].

Важно, как отмечает О. А. Анохина, что в период перестройки за свое ярко выраженное несогласие с действующим политическим курсом ни одна газета не была закрыта, ни один редактор не снят с должности: «СМИ из средств обслуживания элиты превратились в ее творцов...» [4, с. 255].

В 1988 году М.С. Горбачев писал о том, что гласность – это неотъемлемая черта нормальной моральной и духовной атмосферы в обществе. С помощью гласности каждый гражданин должен глубже понять, что происходило со страной, что есть на сегодняшний день и какие планы на будущее. Советское общество заинтересовано в том, чтобы каждый участвовал в обсуждении планов перестройки и их реализации. СМИ отводится одна из ключевых ролей: «Средства массовой информации играют и будут играть в этом огромную роль. Это самая представительная и массовая трибуна гласности» [21, с. 74]. Журналистика боролась за открытость, гласность, за демократизацию общества, но оставалась «органической структурой однопартийной политической системы со всеми вытекающими последствиями» [48, с. 229]. СМИ начала перестройки представляли комбинированный амбивалентный образ: с одной стороны, они стали главными выразителями демократических настроений, с другой стороны, в них тесно укоренились принципы, заложенные в предыдущие годы [25, с. 4].

Судя по всему, «вводя гласность», Горбачев рассчитывал таким путем усилить поддержку перестройки в обществе, изолировать и скомпрометировать противников и оппонентов. Гласность должна была быть управляемым процессом, служить орудием политической борьбы. Но Горбачев не вполне оценил скрытые в ней тенденции, прежде всего ее тенденцию к саморазвитию. Он не предусмотрел, что гласность «невозможно будет ни оседлать, ни загнать назад» [14, с. 295].

В период перестройки советские журналы и газеты заполнились разоблачительными материалами о дефиците товаров и продуктов питания, об очередях, о принудительном труде и массовом алкоголизме, о снижении темпов роста экономики, низкой производительности труда. Впервые на страницах СМИ начинается предвыборная борьба депутатов: аналитические статьи, интервью и обращения депутатов к избирателям [62, с. 27]. Историк Ю. Блашков отмечает: «С десятилетиями воспитывавшейся апатией советских людей было покончено в считанные месяцы: население стало поголовно интересоваться политикой» [10, с. 78]. Еще одна отличительная характеристика периода: в

общественной печати началось активное переосмысление роли церкви в обществе, в русской культуре, истории, подчеркивался патриотический характер православия [23, с. 96].

Одно из популярных изданий периода перестройки – иллюстрированный еженедельник «Огонек». В 1986 году на пост главного редактора был назначен В. А. Коротич, который за короткое время из «дремучего махрово-советского журнала» сделал издание, которое стало символом горбачевской перестройки [1, с. 30]. Вторая половина 1980-х стала одним из ярких этапов в истории существования журнала: его тираж увеличился до 5 млн. экземпляров. «Рупор перестройки», «зеркало перестройки», «проводник гласности» – все это можно было услышать при описании издания, которое стало популярным не только в Советском Союзе, но и во всем мире: «...По «Огоньку» за границей определяли, что происходит в стране» [37, [http](#)]. Сразу же после прихода нового редактора в журнал начались изменения. Исследователи отмечают, что в «Огоньке» начали появляться темы, которые отличали его от других изданий. Например, очерки и статьи, посвященные проблемам молодежи, о трудных подростках [32, с. 61].

Одна из причин повышенного интереса читателей к журналу в годы перестройки – это люди, журналисты, фотографы, редакторы, которые делали одно общее дело: рассказывали людям правду о собственной стране и пытались честно разобраться с тем, что происходило в государстве в конце 1980-х годов. Дмитрий Бирюков, возглавлявший международный отдел, Александр Терехов, Владимир Чернов, заведовавший отделом искусств, Олег Хлебников, возглавлявший отдел литературы, Леонид Никитинский, Игорь Гаврилов и многие другие – те, «замечательные люди», которые «делали замечательный журнал», – говорит Валентин Юмашев, член редколлегии журнала в период перестройки [1, с. 30].

В «Огоньке» наряду с публикациями о «трудовых подвигах» рабочих, к которым уже все привыкли, начали появляться острые, яркие публикации, которые задевали важные проблемы и касались каждого: их обсуждали «не только в курилках и на кухнях, но и на заседаниях правительства» [67, [http](#)].

Статья Юрия Карякина «Ждановская жидкость» в 1988 году стала одной из отправных точек для изучения периода сталинских репрессий. Журналист настаивал на том, что в геноциде собственного народа виноват не столько генералиссимус, сколько партийцы, которые сделали доносы обычным массовым явлением, а ссылки – привычным делом [67, [http](#)].

«Огонек» предал огласке «узбекское, или хлопковое» дело зятя Л. И. Брежнева. В открытом письме следователей Генеральной прокуратуры, опубликованном в журнале, поднимались проблемы взяточничества, коррупции среди членов ЦК и т.д. Подобные темы поднимались и в других изданиях, например, газета «Комсомольская правда» рассказывала, как жителей Туркмении принуждали собирать хлопок, останавливая учебный процесс в образовательных учреждениях с сентября по декабрь [7, с. 58].

Ослабление цензуры привело к появлению в СМИ публикаций, о которых раньше не могло идти и речи. Сотрудники журнала «Огонек» в Главлите пытались отстоять каждый материал, который цензура не хотела пропускать в печать. Обвинения были разные: наговоры на Советскую власть, выбранные для печати письма не отражают мнения большинства советских людей. Больше всех доставалось Виталию Коротичу: его сначала отчитывал А. Н. Яковлев, а потом и сам М. С. Горбачев. Но Коротич держался, и «Огонек» продолжал свою жизнь. Его не закрывали, потому что он был нужен М. С. Горбачеву для того, чтобы реанимировать КПСС [1, с. 30].

Эссе популярного прозаика В.В. Карпова, посвященное жизни и творчеству Н. С. Гумилева, после публикации в «Огоньке» стало символом перемен. Десятки лет тема русского поэта и прозаика не поднималась в СМИ. Карпов предлагал реабилитировать Гумилева и признать, что тот был вовлечен в заговор случайно. Появление такой публикации возможно было только в период перемен – в перестройку [32, с. 61].

Характерной чертой перестроечной прессы стала ее полемичность: «Практический каждый день в газетах обнаруживаем столкновение мнений, разнообразие оценок» [39, с. 338]. Во второй половине 1980-х в СМИ можно

наблюдать широкий диалог различных слоев населения. Во многих газетах основное место отводилось под письма, присланные читателями, в которых они высказывают свою точку зрения, приводят аргументы, вступают в спор с другими. Так, автор известного письма, Н. Андреева, в книге «Неподаренные принципы» поднимала вопросы проблем идеологии и воспитания молодежи: «Как представляется, сегодня вопрос о роли и месте социалистической идеологии принял весьма острую форму» [3, с. 23]. Примечательно: в этот период материалы читателей, по сравнению с публикациями журналистов на одну и ту же тему, отличались большей полемичностью и критичностью [24, с. 382]. Михаил Ненашев, главный редактор газеты «Советская Россия» с 1978 по 1986 гг., отмечал, что в период перестройки человек действительно нуждался в газете не только как в информаторе, но и как в собеседнике, человек открыт для диалога: «В начале 80-х гг. газета ежегодно получала более 200 тыс. писем, причем это не были только письма-жалобы, просьбы – более 70% из них были письмами-мнениями, суждениями, оценками газетных публикаций» [43, с. 48].

Читатели активно присылали письма и в журнал «Огонек». Повторим: сам по себе жанр письма существовал и в других изданиях, но то, что случилось с ним в «Огоньке», стало показательным для всех. Под письма сначала была выделена колонка, потом полоса, потом целый разворот. Это был фирменный разворот тогдашнего «Огонька»: многие начинали читать журнал именно с этих писем [1, с. 30]. В «Огоньке» письма печатались в рубриках «Слово читателя», «Азбука гласности», «Прошу слова» и т.д. «Это же журнал в журнале был... Эти письма писались, с ними работали, вызывались авторы писем, их редактировали, дописывали. По всем отделам шли письма. Эта была потрясающая придумка» [37, [http](#)].

Аналитические обзоры, политические репортажи, публицистические и научно-исследовательские статьи, интервью, беседы, главы из книг, архивные документы, фотоматериалы, воспоминания, письма, очерки – все это разнообразие встречалось в перестроечном «Огоньке». Такие рубрики, как «Хранить вечно», посвященная историческим вопросам, «Политический

барометр», в которой рассказывалось об изменениях перестройки, «На грани», «Что происходит с нашей культурой», были в числе самых читаемых в журнале.

Одной из значимых рубрик стала «Русская муза XX века», которую вел Е. Евтушенко. В ней печатались поэты и писатели, чьи имена долгое время находились под запретом: Высоцкий, Окуджава, Бродский, Булгаков, Замятин и др. [27, с. 136].

Работа в редакции кипела. Владимир Вигилянский вспоминает, что работать приходилось по 12 часов, разбирая письма, редактируя, все делалось вручную, так как компьютеров не было: сначала печатали на пишущей машинке, потом отдавали в набор, они возвращали длиннющие колонки, которые клеивались в полосы, и все, что висело, мы обрезаем. «Я потом книги читать не мог, я любую, которую открывал, начинал сокращать» [37, [http](#)].

Н. М. Тобольцева, рассуждая о журналистике периода перестройки, говорит: «Журналистика сыграла значительную роль в перестройке, сумев выйти за пределы отведенной для СМИ функции – “оружия партии”» [61, с. 51]. По мере развития гласности управлять ей было все сложнее: слово властей перестало быть выражением неопровержимой истинны [17, с. 420]. М. И. Бабюк характеризует период перестройки как «эрозию тоталитарной политической системы». Сформировавшись как инструмент пропаганды в руках правительства, журналистика в условиях предоставления ей определенной автономии отделилась от власти и вместо функции созидания начала генерировать контент, разрушающий политическую систему [5, с. 108].

Стремление выявить истину приводит к тому, что у многих СМИ наблюдается тенденция к активной публикации статей ученых, а в особенности историков. В редакциях газет и среди ученых активно проводились «круглые столы» по вопросам отечественной истории, а после на страницах газет и журналов появлялись статьи на соответствующую тему [26, с. 20]. В этой связи в стиль повествования журнала «Огонек» проникает научная терминология из области политики и экономики (инфраструктура, демократизация, конъюнктура и т.д.). Но в целом язык журнала стремится к максимальной доступности,

простоте, начинает приобретать эмоциональную окраску, иными словами, язык становится в большей степени соответствовать параметрам публицистического стиля. Эти два процесса образуют эффект стилистического смешения [56, с. 46-47].

Изменения претерпевает и жанр интервью. Происходит отход от типа «вопросника-анкеты»: интервью становится эмоциональным, а личность автора приобретает значение. Сниженная лексика, рабочие фразы, эмоции – все это служит для привлечения внимания читателей и доверия со стороны аудитории [56, с. 48]. Эффективное воздействие «Огонька» на аудиторию было обеспечено несколькими факторами: хорошей репутацией, четко продуманной стратегией и критическим дискурсом [31, [http](#)].

В период перестройки возрастает значение публицистики. Именно в переломные моменты жизни общества публицистика выходит на первый план. В период перестройки уровень журналистики таков, что понадобилась бы целая библиотека, чтобы поместить все статьи, достойные печати [28, с. 5]. Публицистика обнажила пропасть между словом партии и ее делами. Возникло понимание неэффективности действовавшей административно-командной системы управления экономикой. В обществе сформировалось представление: «Так жить нельзя!» [7, с. 59]. Обществу нужна была не только экономическая перестройка, но и «духовная перестройка». Поэт и публицист Е. Евтушенко писал: «Гласность – это война за социальное достоинство человека... Перестройка духовная и перестройка экономическая должны быть равными взаимогарантами» [Цит. по: 38, с. 580]. Совершенствовать этот мир может только тот человек, который освободился от сталинского мышления – пожалуй, это главная мысль публицистики периода перестройки. Необходимо возрождать демократию, менять образ жизни, гласность – это гласность для всех. Этим проблемам уделяли внимание писатели и публицисты Чингиз Айтматов, Юрий Карякин, Евгений Носов.

М. С. Горбачев и его сторонники в Политбюро хотели совместить несовместимое – тоталитарный социалистический строй и элементы демократии

рынка. Но они сделали главное – позволили людям говорить правду: «В стране, где каждая печатная строчка, каждая фраза диктора подвергалась цензуре, случилось неслыханное – власть разрешила публиковать статьи о вопиющих случаях бесхозяйственности» [7, с. 57]. Американский исследователь Арчи Браун отмечает, что «к весне 1989 г. официально санкционированная гласность превратилась практически в неограниченную свободу слова» [Цит. по: 59, с. 68-69].

1.2 Освещение международной жизни в журнале «Огонек» в 1987-1989 гг.

В 1986 году на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев объявил о новых подходах во внешней и внутренней политике и о новом политическом мышлении. А. Н. Яковлев говорил о необходимости отказаться от «конфронтации всему остальному миру», так как «человек формируется, развивается только через взаимодействие с другими, с обществом в целом» [Цит. по: 59, с. 69].

Изменения должны были произойти не только во внутренней политике, но и во внешней. Об этом свидетельствовала ситуация, сложившаяся на мировой арене, которая вынуждала Советский Союз внести коррективы во внешнеполитический курс: экономические последствия гонки вооружений и борьбы за влияние на мировом уровне, а также обострение международной ситуации на рубеже 1970-1980-х годов, связанное с ракетным кризисом в Европе, вводом советских войск в Афганистан и массовые антисоветские волнения в Польше. «Одряхлевшее поколение “молодых сталинистов”» [6, с. 42] было неспособно изменить государство и встроить его в давно изменившийся мир. В марте 1985 года в Кремле состоялись встречи М. С. Горбачева с главами делегаций США, Великобритании, Франции, ФРГ, Китая. В беседе с каждым генсек подчеркивал, что СССР стремится выстроить внешнюю политику, основываясь на учете интересов всех стран и отказе от военного превосходства.

Советский Союз начал серию односторонних шагов в области ограничения вооружения [6, с. 44].

Качественно изменилась в этот период и отечественная международная журналистика. Отказ от конфронтации с западными СМИ, оценка Запада как партнера привела к некритическому восхвалению буржуазного образа жизни, активному внедрению зарубежных СМИ на отечественный информационный рынок. Бурные внутренние события в стране отодвинули на второй план освещение международной жизни, читательский интерес к ним заметно понизился, что сразу же сказалось на информационной политике редакций – они стали сокращать число соборов за рубежом [23, с. 95-96].

Действиям СССР на международной арене в период перестройки внимания уделено мало: основные вехи обозначены в общих очерках, учебной литературе и юбилейных изданиях. Новое политическое мышление должно было внести существенные изменения во взаимоотношения СССР с другими странами. М. С. Горбачев в своей книге «Новое политическое мышление» писал: «Основной, исходный принцип нового политического мышления прост: ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей» [22, с. 89].

Р. С. Мухаметов обозначил принципы новой внешнеполитической концепции: отказ от мысли о расколе современного мира на две противоположные общественно-политические системы, признание его единым и взаимозависимым; отказ от принципа пролетарского интернационализма; признание приоритета общечеловеческих ценностей над другими; признание переговоров и диалогов в качестве универсального средства решения любых конфликтов, т.е. отказ от силового метода решения спорных вопросов [41, с. 10].

Советский общественный и политический деятель К. Н. Брутенц, размышляя о значении нового политического мышления, писал: «Это – взаимосвязь и взаимозависимость мира. Это – приоритет общечеловеческих интересов над классовыми. Это – решение конфликтов не военным, а

политическим путем и обеспечение безопасности с помощью политических средств...» [14, с.132.].

Почти в каждом номере журнала «Огонек» в период с 1987 по 1989 годы можно встретить несколько публикаций, которые освещают международные темы, рассказывают об основных событиях, происходящих за рубежом, о жизни людей в других странах. Все эти материалы, основываясь на их тематическом разнообразии, можно разделить на несколько групп: политические, социальные, культурные, страноведческие, военные и спортивные. Представим их в соответствии с этой классификацией.

Советские СМИ часто поднимали тему ядерного разоружения и информировали читателей о том, как она реализуется на территории СССР, в частности СМИ печатали цитаты из выступлений М. С. Горбачева на международных мероприятиях. Например, в журнале «Огонек» опубликован отрывок из выступления генсека на митинге чехословацко-советской дружбы: «Подчеркиваю: мы за то, чтобы вести дело к радикальному сокращению и в конечном итоге полной ликвидации оперативно-тактических ракет в Европе, считаем ненужным закладывать в будущую договоренность всякого рода “допуски” для их наращивания и совершенствования» [20, с. 2]. В этот период в Советском Союзе проходит ряд международных мероприятий, посвященных проблемам ядерного разоружения. Так, «Огонек» освещал международный конгресс, посетить который приехали представительницы из 154 стран мира. Главный девиз мероприятия – «К 2000 году – без ядерного оружия!» [29, с. 2].

Чаще всего публикации на политическую тему в «Огоньке» встречаются в виде заметок, расширенных заметок, интервью. В расширенной заметке «Диалог продолжается» авторы рассказывают о Международном форуме, проходившем в Москве под девизом «За безъядерный мир, за выживание человечества». В публикации присутствуют элементы отчета: приведены отрывки выступлений некоторых участников форума. Несмотря на то, что заметка построена без использования средств выразительности, благодаря точно подобранным прилагательным, она интересна, жива, увлекательна: «Страстность выступлений,

в которых порой предлагались самые фантастические проекты, откровенность в интервью – это еще одно свидетельство того, что деятели науки и культуры первыми почувствовали уязвимость перед недоверием и апатией, порожденными угрозой возможной гибели в ядерной катастрофе» [9, С. 2].

Пропагандистское обеспечение политики «нового мышления» осуществляли журналисты, ученые, публицисты, которые сопровождали генсека в зарубежных поездках. Разрабатывая новую внешнеполитическую программу, М. С. Горбачев и МИД пришли к выводу, что нужно изменить традиционный приоритет: начинать диалог следует не с Соединенными Штатами, а с Европой. «Чтобы с американцами договориться, нужно искать пути сближения через Францию, Англию и другие европейские страны», – говорил Э. А. Шеварднадзе [6, с. 47].

С успехом прошел визит М. С. Горбачева во Францию 2-4 октября 1985 года: французская публика была покорена обаянием советского лидера. В Париже Горбачев огласил основу нового европейского курса СССР, сославшись на высказывание Шарля де Голля о Европе «От Атлантики до Урала»: «Мы с вами живем в Европе <...> Мы живем в одном доме, хотя одни входят в дом с одного подъезда, другие – с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать, налаживать коммуникации в этом доме» [6, с. 49].

Первая официальная встреча с Р. Рейганом, состоявшаяся 19-21 ноября 1985 года, положила начало ряду советско-американских саммитов, которые в последующие годы стали проходить регулярно. В центре переговоров была проблема ракетно-ядерного разоружения. Главное достижение встречи – возобновление советско-американского диалога. Американская тема часто встречается и на страницах журнала «Огонек». Это интервью с президентом Рейганом, заметки, посвященные США. Например, Владимир Николаев поднимает проблему роли церкви в светском государстве. В статье «Телетартюфы» автор рассказывает, что в США 60% населения – члены различных религиозных групп, и, хотя это государство светское, церковь тесно контактирует с политикой: «Не следует забывать, что поддержка со стороны

правых клерикальных групп в США помогла Рейгану победить на президентских выборах в 1980 году и остаться на второй срок в 1984 году» [46, с. 32].

На встрече с президентом США в Рейкьявике удалось найти решения по большинству спорных вопросов. Важным итогом советско-американских отношений стало подписание 8 декабря 1987 года в Вашингтоне двустороннего Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Согласно этому документу, СССР и США должны были до 1991 года уничтожить большинство своих ракет, за исключением 100 – у СССР и 100 – у США.

Сближению и улучшению международных отношений со странами Европы должен был способствовать проект «общеввропейского дома», который подразумевал сосуществование и сотрудничество государств с различными политическими и социально-экономическими системами. Результатом такой политики стало установление официальных отношений в июне 1988 года между Советом экономической взаимопомощи и Европейскими сообществами, а в августе того же года – между СССР и Евросоюзом. Активно развивался диалог с Великобританией, Францией, Западной Германией, Италией. Это привело к заключению двусторонних соглашений по целому ряду вопросов: урегулирование финансовых претензий, сотрудничестве в области культуры, информации, образования и т.д. [6, с. 64]. В основу концепции «нового мышления» была положена идея обеспечения выживания цивилизации. Отсюда возникает требование интернационализации глобальных проблем человечества: речь идет о сбережении природы, критическом состоянии окружающей среды, воздушного бассейна, о традиционных ресурсах планеты, которые не безграничны [41, с. 10].

В журнале «Огонек» периода перестройки печатаются мнения видных политических и экономических деятелей по поводу основных мировых проблем. В рубрике «Кто есть кто» опубликовано мнение премьер-министра Греческой Республики Андреаса Папандреу об идее отнесения Балкан к безъядерному пространству: «Эта идея может иметь огромное значение как пример вклада в дело разоружения и мира в Европе и во всем мире» [50, с.19].

Гласность и ее воздействие на советское общество обсуждается не только в Советском Союзе, но и на международном уровне. В «Огоньке» опубликовано «Письмо американского журналиста», в котором Дэн Разер размышляет о гласности и советских СМИ: «Советская журналистика все еще орудие Кремля, который предпочитает теперь разоблачать коррупцию и неэффективность производства, а не скрывать их. И здесь очевидный контраст с американской концепцией журналистики, провозглашающей независимую прессу, свободный обмен идеями, причем зрителю и читателю оставляют право самому сделать выводы» [53, с. 2]. Советский журналист Геннадий Герасимов отвечает на эту публикацию: «Разве Дэн Разер не знает, что американская так называемая независимая пресса находится в частных руках, и ей поэтому приходится учитывать пожелания принципиального характера от своих владельцев?» [19, с. 3]. Таким образом, Разер упрекает советскую журналистику в том, что она все еще находится под властью государства, а Герасимов подчеркивает: американская журналистика находится в частных руках, что означает зависимость от мнения владельца.

Большая часть интервью с послом США в СССР Джеком Ф. Мэтлоком под названием «Дефицит доверия» посвящена советско-американским отношениям. Политика спрашивают о его личном мнении по поводу отношений между двумя странами, о начале его политической карьеры, о его литературных вкусах: «- Что Вас заинтересовало из последних произведений советской литературы? – В настоящее время я читаю «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова» [52, с. 5]. Примечательно: в интервью чаще используются открытые вопросы, чем закрытые.

В «Огоньке» можно встретить тематическую страницу «От...до», в которой рассказывается о проблемах, которые существуют в других странах. Например, в небольшой заметке «Идет охота на людей», поднимающей острую социальную проблему – расизм, рассказывается о беспорядках, которые творятся на территории ЮАР, о гонениях и расстрелах людей, в том числе детей: «Жестокое насилие по отношению к черным и «цветным» стало повседневной

практикой в этом государстве» [30, с. 18]. Проблема расизма поднимается и в письме «Крик о помощи»: редакция опубликовала письмо, адресованное советскому послу в США В. Дубинину от афроамериканца Адюля Мухаммада. Мужчина сообщает о существовании множества проблем из-за своего происхождения, и его обращение к послу – единственная возможность изменить ситуацию: «Мы лишены самого насущного – питания, одежды, жилья. Мы лишены наших так называемых прав на жизнь, на свободу, на стремление к счастью, может быть, потому, что на нас не смотрят как на американцев и не считают нас таковыми» [42, с. 3].

Процесс нормализации отношений с окружающим миром повлек за собой постепенный отход от приоритетов «классовых интересов». Новые представления о внешней политике были выражены М. С. Горбачевым и его командой в июле 1988 года на конференциях – XIX партийной и мидовских. «Консерваторы» не одобрили идеи, предлагаемых «реформаторами», и считали, что в международных отношениях необходимо руководствоваться классовым подходом. Утверждение приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми привело к постепенному изъятию из советского политического лексикона упоминания о необходимости во внешней политике следовать принципу социалистического интернационализма [7, с. 78].

Для Горбачева и его сторонников тяжелым наследием во внешней политике стала война в Афганистане, где с 1979 года советские войска были втянуты во внутривнутриполитическую борьбу и воевали против партизан-моджахедов. «Десятки тысяч солдат погибали, не понимая, за что они воюют. <...> В топке войны ежегодно сгорали огромные бюджетные средства, столь необходимые для затыкания дыр в стагнирующей советской экономике» [6, с. 78].

Афганская война была крайне непопулярна в советском обществе: против нее выступали многие военачальники, считая ее политической ошибкой и бесперспективной в военном смысле. Советские СМИ зависели от государства и даже в период перестройки освещали войну в Афганистане с позиций, удобных для власти. Еще 27 декабря 1979 года Политбюро приняло постановление «О

пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана». Это была своего рода программа для СМИ, в которой говорилось, что нужно опираться на «осуществление по просьбе афганского правительства помощи и содействия в борьбе против внешней агрессии». Исследователи отмечают: освещение афганской войны прошло в два этапа. На первом этапе, с 1979 по 1985 годы, информация была дозированной, упоминания о солдатах, участвующих в афганской войне, минимальны, ведущий жанр – заметки, не дающие конкретных сведений: отсутствовали данные о количестве введенных войск, о решении ввода войск, в каких операциях участвуют войска. Именно после провозглашения гласности стали появляться материалы в разных жанрах о воинах-интернационалистах [2, с. 190-192]. Важно: освещение афганского конфликта проходила в контексте «холодной войны», потому из материалов следовало, что афганская война не является событием внешней политики СССР – это внутреннее дело афганского народа. После провозглашения гласности в СМИ стали появляться материалы, рассказывающие о подвигах солдат, публикуются реальные фотографии. Афганская война перестала считаться внутренним делом афганского народа, а признается вектором внешней политики СССР «по защите южных рубежей» [2, с. 205]. В течение трех лет в журнале «Огонек» печатаются публикации А. Боровика о войне в Афганистане. Автор стремится показать войну глазами советского солдата, дополняя публикации своими размышлениями.

Мирная политика Горбачева создала ему за рубежом большую популярность: симпатии простых граждан западных стран к генсеку СССР стали называть «горбоманией»: «По сравнению с предшественниками Горбачев имел небывалую поддержку мирового общественного мнения и государственно-политических структур капиталистического мира» [18, с. 555], – отмечает французский профессор М. Я. Геллер. После триумфальной речи генсека с трибуны ООН в декабре 1988 года, многие советские международники оптимистично смотрели на новый 1989 год. Однако он привнес собой сужение ресурсной базы внешней политики: экономические, социально-политические,

идеологические процессы стали выходить из-под контроля руководства. Произошла «хаотизация всех сфер жизни» [6, с. 5]. В «Огоньке» освещалось взаимодействие Советского Союза с другими странами в разных сферах.

Так, в заметке «Под лыжами – океан» Дмитрий Шпаро рассказывает о предстоящей советско-канадской экспедиции. Повествование ведется от первого лица, автор делится подробностями предыдущих экспедиций, рассказывает о возможных участниках, определяет главные задачи: «Главным будет то, что одиннадцать советских и канадских людей вместе проживут три месяца в малюсенькой палатке на хрупкой корочке океана, помогая друг другу» [66, с. 3].

Еще одной темой публикаций в «Огоньке» о сближении с другими странами и народами стала тема культуры. Например, Никита Васильев в заметке «Музей Прадо, век минувший» рассказывает о развитии живописи в Испании XIX века, о том, как взаимодействовали живописцы России и Испании. Обращаясь к трудам Александра Бенуа, к переписке И. Е. Репина и В. В. Стасова, автор использует в публикации прием цитирования: «И. Е. Репин со свойственной ему восторженностью писал В. В. Стасову: “Фортуни... конечно, гениальный живописец нашего века, и после него уже никакая живопись не удовлетворяет”» [15, с. 8].

В журнале «Огонек» публикуются интервью с известными зарубежными деятелями искусства, кино, политики и т.д. В публикации «Музыка может все» Артем Боровик рассказывает о Билли Джоэле, который незадолго до этого дал первый рок-концерт в Советском Союзе. Автор расспрашивает знаменитость о его первых концертах, о его семье и отношении к советской музыке. В публикации есть черты репортажа: «Беседа проходит в гримерной. Джоэл сидит в кресле. Virtuозные пальцы его помощницы Тины накладывают на лицо певца жидкую пудру, тени» [13, с. 7], – детали помогают читателю лучше узнать интервьюируемого, создают эффект присутствия.

Интересна опубликованная в «Огоньке» переводная статья из журнала «Экспресс», автора Кристины Шёффер. Статья разделена на две части. В первой рассказывается о профессоре Майкле Роджине, который исследовал

одержимость президента США Рональда Рейгана кино и его политическую деятельность. Политолог утверждает, что кино и реальная жизнь у Рейгана тесно переплетены, и он скоро перестанет замечать границы между ними. Основной вывод автора: чтобы понять политику президента, нужно изучить его кинодеятельность. Вторая часть – интервью с М. Роджином. Политологу задают вопросы относительно кинокарьеры президента, о влиянии его прошлого на политику. В большинстве своих фильмов Рейган играет больного и униженного, на вопрос, что это за тип героя, политолог отвечает: «Рейган не является традиционным мужественным героем, он идентифицирует себя не с Д. Уэйном, а с Рэмбо или Клинтоном Иствудом. Над этими идолами экрана страшно издевались. Как политик Рейган чувствует, насколько важно представить себя ущемленным, чтобы оправдать удар» [65, с. 11].

Страноведческую тему в журнале «Огонек» в изучаемый период раскрывают журналисты-международники, рассказывающие о жизни людей в других странах. Например, в путевых заметках Евгения Болотина «Китай: время перемен, время надежд» рассказывается о достопримечательностях Пекина, автор описывает интересные эпизоды, свидетелем которых ему удалось стать, характер и внешность китайцев: «Китайцы – народ открытый, улыбчивый, общительный. Летом вы можете увидеть сидящих у своей калитки на земляных завалинах стариков, играющих здесь же детей в штанишках с разрезом сзади. Китайцы охотно вступают в разговор в магазинах, в маленьких харчевнях, просто на улице» [11, с. 24]. Публикации, в которых рассказывалось о других странах, их жителях, традициях, достопримечательностях, – били единственной возможностью для многих советских граждан узнать о жизни за рубежом.

В публикации «Роботы и мизантропы» Владимир Цветов рассказывает о своем путешествии: «В Японию я отправлялся с твердым намерением: узнать о стране не меньше, чем знаю об улице своего детства. Вышло наоборот: чем глубже приходилось вникать в детали японской действительности, тем больше передо мной возникало загадок и тайн» [64, с. 18]. В материале «Китайская специфика» Виталий Коротич делится своими наблюдениями: «Спросите,

почему в Пекине нет горячего водоснабжения в жилых домах: «Китайская специфика!». Поинтересуйтесь, почему в государственном ресторане так много официантов и они работают так медленно: «Китайская специфика!» [36, с. 16].

Путевые заметки Владимира Ковалева «Берлинское настроение» публикуются после посещения им Германии: «Воскресенье. Вечер, вернее, почти ночь уже. Сидим в одном из многочисленных кафе, которыми город не перегружен, но в которых не ощущает недостатков. Свободных мест нет, тем не менее зашли двое, откуда ни возьмись – столик со стульями. О посетителях позаботился официант, один обслуживает человек пять-десять и не просто ходит гордо и непреступно, а старается изо всех сил» [34, с. 17]. Дмитрий Бирюков в публикации «Дорогами Индии» ведет повествование от первого лица. В тексте автор использует прямую речь, описывает детали: «...Захлопнулись двери, и сразу же мощно загудели вентиляторы кондиционеров, обдавая пассажиров приятной прохладой», использует сравнения: «Город следует за городом. Они, как бусинки, нанизаны на нить дороги», метафоры: «гирлянды из живых цветов», эпитеты: «мелодичный женский голос» [8, с. 25].

Авторы путевых заметок часто обращаются к истории посещенных стран и проводят интересные факты, используют цитирование и насыщают свои заметки репортажными фрагментами: «Я сижу на террасе с навесом из пальмовых листьев. На столике передо мной – вскрытый кокосовый орех с соломинкой. Со стороны Бенгальского залива тянет свежий ветерок» [49, с. 24].

Не остаются без внимания редакции журнала «Огонек» и международные спортивные события. Например, заметки Марка Тайманова, международного гроссмейстера, шахматного обозревателя журнала. В одном из номеров он рассказывает о турнире, проходящем в испанском городе Линаресе между Анатолием Карповым и Андреем Соколовым. Автор коротко рассказывает об участниках, их творческом пути, анализирует шансы на победу каждого, предоставляет слово экспертам: «Для резюме предоставим слово чемпиону мира Гарри Каспарову, отнюдь не безразличному к предстоящей дуэли, оно звучит так: «Считаю шансы Карпова все-таки предпочтительнее» [60, с. 24].

В журнале публикуются аналитические статьи по ведущим глобальным проблемам. Например, в аналитической статье Владимира Николаева «Электронные парадоксы» поднимается проблема компьютеризации и влияния телевизора и компьютера на человека. Автор рассуждает, к чему приведет внедрение ЭВМ и телевизора в жизнь человека в США, к чему уже привело, приводит статистические данные ученых в вопросах воздействия электроники на человека. Как известно, для аналитической статьи важна аргументация. Николаев приводит мнения ученых, исследователей, статьи из американских журналов, которые подтверждают его размышления: «Недавние исследования показывают, что вся жизнь американцев от выбора продуктов до выбора политических деятелей, подвержена очень сильному влиянию телевидения» [47, с. 14]. Материал разделен на несколько тематических блоков, для усиления воздействия на читателя автор использует множество вопросительных и побудительных предложений, для достижения выразительности применяет перифраз и олицетворение («ящик с экраном запугивает своих обожателей»).

Аналитическая статья «Бомба и дети» построена на контрасте: вначале идет описание «Диснейленда», его масштабов, аттракционов. Дети и взрослые чувствуют себя здесь счастливыми. Во второй части статьи говорится о том, что компьютерные игры, созданные для детей, наполнены убийствами, кровью. Кроме этого, автор обращает внимание: игры имеют явную антисоветскую направленность. В статье много вопросительных предложений, с помощью которых заостряется внимание читателя на проблемах. В качестве аргументов приводятся фрагменты статей, напечатанных в американских газетах: «А газета “Виллидж войс” обобщает все эти факты. “Видеоигры – продукт общества, стоящий накануне апокалипсиса, они предупреждают: люди, вы обречены”. Многие из играющих сегодня могут завтра спокойно нажать настоящие кнопки» [45, с. 25]. В статье прослеживается позиция автора: он недоумевает, что американские дети с ранних лет учатся насилию, и государство не предпринимает никаких действий. Автор использует эпитеты «военные забавы», «смертоносные частицы», «абсолютное разрушительное зло».

Выводы к главе I.

С приходом к власти М. С. Горбачева в советском обществе произошли изменения. СМИ стали проводником политики перестройки и гласности. Ученые, экономисты, политики, эксперты активно привлекаются к общественному диалогу в СМИ. Гласность дала мощный толчок развитию свободы слова и плюрализму мнений. По-другому стали освещаться вопросы истории и прежде всего эпохи сталинизма.

Журнал «Огонек» стал одним из самых популярных изданий периода перестройки. Разнообразие тем, критические материалы, публикация писем советских граждан не смогли не привлечь внимания читателей к изданию. Точно подобранным, эмоциональным словом, активно освещая события, происходящие как внутри государства, так и за его пределами, журналисты «Огонька» смогли завоевать умы и сердца миллионов читателей по всей стране и за рубежом.

«Новое политическое мышление» привело к изменениям в сфере внешней политики, СССР налаживал отношения не только с США, но и с европейскими странами. Политический лидер страны, М. С. Горбачев выступал за диалог стран по разным вопросам, с целью совместных решений в области глобальных проблем человечества. В «Огоньке» идет активное освещение международных отношений СССР, посещение М. С. Горбачевым различных государств, где он выступал за диалог стран по разным вопросам, с целью совместных решений глобальных проблем. В форме заметок и очерков журналисты рассказывают о жизни людей в других странах и мировых проблемах, которые волнуют все человечество.

ГЛАВА II. ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ А. БОРОВИКА (ЖУРНАЛ «ОГОНЕК», 1987-1989 ГГ.)

2.1 Проблемно-тематический спектр журналистских материалов

А. Боровика об Афганистане

Побывав лично в пунктах советских войск, расположенных в Афганистане, Артем Боровик написал ряд материалов, в которых рассказывается о жизни, мыслях, переживаниях советских солдат. Основная тема, объединяющая все публикации, – тема войны, которая раскрывается в ряде микротем.

Так, автор поднимает тему причин ввода советских войск на территорию Афганистана. Основная проблема: существование нескольких точек зрения на эту ситуацию. Кто должен нести за это ответственность? Артем Боровик отмечает, что эта война оставила после себя множество загадок и неясностей: *«Даже если завтра общественности предоставят все секретные документы, связанные с решением войти в Афганистан, это вряд ли прольет свет на истину, но, возможно, еще больше запутает клубок»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 18).

С одной стороны, Брежнев и его коллеги, решив послать войска в Афганистан, хотели убить двух зайцев: уничтожить военную оппозицию и убрать Амина, чтобы привести к власти группировку во главе с Бабраком Кармалем. С другой, главная причина войны в том, что Брежнев, «который целовался в засос и обнимался» с президентом Тараки, не смог простить Амину, сместившему Тараки, такой наглости.

Академик Арбатов, хорошо знавший Брежнева, рассказал Боровику, что к концу 1970-х годов Брежнев *«был не только не в состоянии принимать самостоятельные политические решения, но даже не мог вести осмысленную беседу более двенадцати-тринадцати минут: его внимание и интеллектуальные способности увядали на глазах»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 19). Другой приближенный к Брежневу сообщил, что Политбюро, собравшись 13 декабря 1979 г., даже не голосовало по этому вопросу: Брежнев доложил о

принятом решении вводить войска в Афганистан. Версия о личной ответственности Брежнева получила широкое распространение: *«Одни утверждали, что таким образом Брежнев хотел оставить о себе память в истории России как о лидере, расширившем зону влияния Советского Союза на Востоке. Другие доказывали, что Брежнев увлекся стремлением Петра к теплым морям»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 19).

Высокопоставленный МИДовский функционер сообщил А. Боровику, что во всем виноваты военные, так как именно они запугали Брежнева скорой высадкой американского десанта в *«нашем южном подбрюшье»*. Но генерал армии В. И. Варенников отверг эту версию: *«Генштаб выступал против ввода наших войск в Афганистан до тех пор, пока это не приняло форму решения... Генштаб предложил такой альтернативный вариант: советским частям встать гарнизонами и в боевые действия не ввязываться»* (Спрятанная война, 1989, – №46. – С. 19).

В разговоре с бывшим государственным секретарем США Александром Хейгом Артем Боровик выяснил, что, по его мнению, Москва вторглась в Афганистан потому, что была обеспокоена укреплением пояса исламского фундаментализма на своих южных рубежах: *«...любое удачное исламское движение на ваших (СССР – М. Б.) южных рубежах неизбежно отразится на советских мусульманских республиках»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 19).

Артем Боровик отмечает, что многие военные сообщали ему, что сценарий, по которому развивались события в Афганистане, был разработан в КГБ, и объяснение этому простое: *«Время от времени спецслужбы должны доказывать политическому руководству страны оправданность и необходимость своего существования, а также тех безумных финансовых затрат, которые идут на обеспечение их деятельности»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 19).

За все время афганской войны Советский Союз лишился около 15 тысяч людей и около 60 миллиардов рублей. Мы понесли еще и нравственные потери.

Эта война стала началом переоценки наших этических ценностей: *«В Афганистане мы бомбили не повстанческие отряды и караваны, а наши идеалы»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 18).

Журналиста интересуют не только множество предположений о причинах начала войны, но и о ее завершении: одни отмечают, что благодаря ей, социализм потерял свою *«девственную непрочность»*, другие говорили, что *«нет худа без добра»*: *«Если бы не ввели войска сюда, то наверняка бы – в Польшу. А это стало бы еще большей катастрофой»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 18). Третьи отмечали, что в Афганистане мы довели до совершенства многие виды оружия. Публицист поднимает проблему итогов войны: к чему привела эта девятилетняя война? Чему мы научились в ней? Тысячи советских солдат были отправлены на войну старческим мановением брежневской руки, из страны, где подкуп, взяточничество, бесчестие, спекуляция, наркотики были не менее обычны, чем очереди в магазинах: *«...эти инфекционные болезни поопасней тифа или гепатита. Особенно если они приобретают характер эпидемии»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 20).

Верно заметил генерал, с которым Артем Боровик сблизился за время пребывания в Афганистане: *«Все победоносные войны, которые вела Россия, вели к усилению тоталитаризма в стране, все неудачные – к демократии...»* (Спрятанная война, 1989 – №46. – С. 18). Еще одной причиной, нанесшей ущерб советской морали во время войны в Афганистане, стало многолетнее официальное вранье о ней в газетах и по телевидению: *«Я не виню журналистов. Если кто-то и пытался писать правду, то военная цензура виртуозно превращала ее в ложь»* (Спрятанная война, 1989 – №46. – С. 20).

Автор строит прогнозы и задумывается о том, что будет, если советские войска покинут Афганистан. Полковник Абдула Факир-заде отвечает журналисту: *«Большинство банд, которые грызутся здесь за зоны влияния, прикрывают свой бандитизм разговорами о том, что они сражаются с шуварами (советские – М. Б.) Это делается для отвода глаз, чтобы американские конгрессмены могли со спокойной совестью подбрасывать*

доллары в топку афганской войны. Когда уйдут советские войска, междоусобная грызня захватит всю территорию страны, но главари более не смогут маскировать свой террор прежними разговорами о «святой войне». Многие афганцы считают, что «шувари» не следует уходить до тех пор, пока банды не разберутся между собой и в массе своей не изменят феодально-местническую идеологию на общенациональную» (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 21). Член вооруженной группировки, по местному «душман», который попал в плен, отвечая на этот же вопрос, подтверждает мнение полковника: «После ухода «шувари» начнутся междоусобные войны за землю. В этом никто не сомневается. Будет очень тяжело, и прольется много крови» (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 21).

Великие путешественники говорят: «Если хочешь познать чужую страну, растворишься в ней». Но нам это не удалось. Лидеры Советского Союза думали, что воздействуют на Афганистан при помощи телевидения, бомбардировочной авиации, танков, артиллерии, газет, АК-47, но редко задумывались, какое воздействие оказал Афганистан на нас: *«Восемь миллиметров брони на протяжении девяти лет хронически отделяли нас от Афганистана. Мы пытались понять страну, со страхом глядя на нее сквозь триплекс бронетранспортера»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 20).

А. Боровик поднимает тему интернационального долга. По официальной версии, советские солдаты должны были помочь афганскому народу удержать завоевания апрельской революции и защитить его от американского империализма: *«За все время службы под мой пулемет не попал ни один американец. Просыпался и снова думал: почему бы властям не сказать нам правду? Мол, так и так, братва, нужно захватить Афган... Так нет, обманули нас, своих же солдат, крутят нами, как игрушками, а мыдохнем, как мухи»* (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 28). С журналистом своими размышлениями поделился один из участников военных действий в Афганистане, Игорь Ковальчук: *«Идиоты называли Афганистан «школой мужества». Идиоты были мудрецами: сами они предпочитали в эту школу не*

ходить. Они полагали, что “интернациональный долг”, “битва с наймитами империализма на южных рубежах Отчизны”, “решиительный отпор агрессии со стороны региональной реакции” и все такое пятое-десятое... – словом, они убеждали себя и заодно всю страну в том, что Афганистан “обращает неосознательных юнцов в стойких борцов за нашу коммунистическую веру” (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 17). Проблема заключается в том, что солдаты были не осведомлены в целях войны. Под формулировкой «интернациональный долг» советские солдаты не столько помогали ДРА, сколько исполняли скрытые планы СССР, иначе говоря, произошла подмена ценностей.

Особо журналист А. Боровик затрагивает тему правдивого, объективного освещения военных действий в СМИ. За время нахождения в Афганистане ему удалось услышать несколько историй, о которых рассказывали солдаты: «*Вот случай был. На заставе. Пошел один боец в кусты по нужде. В тот миг ударила безоткатка, и заставу накрыло, выжил. Случай был позже подан наверх так, будто парень один отстреливался в окружении и победил*» (Спрятанная война, 1989 – № 49. – С. 18). Другая история, приведенная автором: «*Ротный вез на БТРе проверяющего из Союза. Подъехали к персиковой роце. Проверяющий сказал: “Эх, вот бы персиков набрать домой!”*. Ротный оказался смышленным: *остановил машину, прыгнул, но неудачно – на мину. Оторвало обе ноги. Проверяющий, чувствую свою вину, сделал все, чтобы ротного представили к Герою...*» (Спрятанная война, 1989 – № 49. – С. 18). В пересказе этой ситуации обозначена проблема злоупотребления должностными полномочиями, что привело к искажению фактов.

«Показушничество», процветающее в армии, приводит к большим различиям между реальностью и тем, что значится в бумагах. Если возникают конфликтные ситуации с начальством, то солдат часто отправляют на принудительное лечение: «*Психушка – отличный способ для начальства избавиться от ЧП в части... К примеру, ударил солдат офицера. Его нужно судить – это ведь ЧП. Но если в полку ЧП и есть осужденный, то командиру не*

перепрыгнуть на следующую должность. Следовательно, происшествие оформляют как сдвиг по фазе – и все. А рассуждают так: разве может нормальный солдат ударить офицера?! Нет, не может, значит, псих» (Спрятанная война, 1989 – № 49. – С. 18).

В публикациях Артема Боровика нашла отражение тема военного противника. Многочисленные группировки, с которыми приходится сражаться советским солдатам, представляют собой хорошо обученных людей, которые отлично ориентируются на местности: *«Тактику «духов» оценивают как грамотную: они часто устраивают советским войскам провокации, тщательно изучают действия противника» (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 10).* Противник был хорошо подготовлен, к тому же с ними заодно были «зарубежные специалисты», которые занимались вербовкой населения. От военных автор узнает интересные факты об одном из лидеров контрреволюции по имени Гульбиддине: в студенческие годы он сошелся с западными преподавателями местных лицеев – они готовили кадры контрреволюции загодя. Боровик комментирует: *«Между прочим, Афганистан до сих пор кишит американскими, западногерманскими и английскими, так сказать, преподавателями. Они вербуют себе рекрутов» (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 21).* Замысел «консультантов» состоит в том, чтобы приобщить как можно большее число людей к преступлению, которое они называют «святой войной».

В своих публикациях Артем Боровик обращается к теме наркотиков. Проблемы, поднимаемые автором, – наркотическая зависимость солдат и нелегальные перевозки наркотиков через границу. На войне человек видит вещи, которые могут нарушить нормальное функционирование его психики. Чтобы не сойти с ума и облегчить душевные терзания, в ход идут сигареты, алкоголь и наркотики: *«После гашиша – крутой кайф. Правда, следом – зверский аппетит. Вот тогда-то и прешь за бараном в кишлак. Можно хорошо отключиться, если накуришься и напьешься одновременно. Но вот чем гашиш плох: если в твоей голове застряла какая-то проблема, она начинает тебя убивать, сводить с ума.*

Я дурел, бесился от гашиша. Начинал опять и опять думать о войне, о том, кто же следующий в этой треклятой роте» (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 28), – поделился с Боровиком один из солдат.

Устами одного из своих героев – Игоря Ковальчука – автор рассказывает о нелегальной переправке в нашу страну оружия и наркотиков из Афганистана: *«У нас как-то скопились три битых БТРа. Начальство собралось отправить их обратно в Союз. По этому поводу заставили нас три дня корячиться, отвинчивать днище. Туда надо было барахло засунуть, чтобы в Союзе сдать: контрабанда... Сколько за году войны наркотиков и оружия в Союз было переправлено – подумать страшно...»* (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 28).

Продажа наркотиков приносила неплохой доход, за который можно было приобрести оружие, на какие только хитрости ни шли военные, чтобы переправить наркотики за границу. Проезжая мимо макового поля, Артем Боровик вспоминает рассказ, который ему удалось услышать от военных: *«Километра за два-три до границы торговец положит с десяток целлофановых пакетов с белым порошком верблюду на язык, и тот проглотит их, не пережевывая. А минут через сорок, когда граница останется позади, животное отрыгнет их, и пакетики опять окажутся в сумке мирного странника»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 23).

Рассказывая о советских военных, с которыми ему удалось поговорить, Артем Боровик делится с читателями и особенностями журналистской работы на афганской войне: *«Без вертолета репортеру в Афганистане не обойтись. Они делают тебя вездесущим. Здесь ты привыкаешь к ним, как в Москве привыкаешь к такси...»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 22). Все солдаты рассказывают о себе по-разному: один длинно и обстоятельно, другой *«излагает все пережитое скупым армейским языком»*, третий ограничивается коротким словом или жестом: *«Мне встречались солдаты, умевшие импрессионистски точно передавать все оттенки своих ощущений. Но бывали и такие, которые выкладывали тебе голую информацию, замечая: “Эмоции добавишь сам”»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 23).

По-разному относятся к журналистам на войне простые солдаты и люди, занимающие высокие воинские посты: *«Если во время десантирования с тобой что случится, с нас звезды долой»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 10), – признался Боровику замполит Казанцев. Если для военачальников журналист – как незваный гость, приносящий хлопоты, то для солдат – знак внимания: *«Они приняли меня от всей души, угостив вкусным чаем и историями»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 10).

Десантники Симонов и Охотников рассказывают, что здесь не любят москвичей, потому что многие начинают «косить», уваливать от выходов на боевое задание: *«С первого дня пришлось сражаться не только с “духами”, но и с таким вот отношением к себе»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 10), – признался москвич Симонов. Это подтвердил и солдат Переслени, воевавший в Афганистане и попавший в американский плен: *«Я был сержантом. В моем подразделении служили два казаха. Они ненавидели меня уже за одно то, что я москвич, били по-черному. До потери сознания и чувства боли»* (Спрятанная война, 1989 – № 51. – С. 29). Автор касается проблемы отсутствия солдатского братства, отсюда и предвзятое отношение к москвичам, т. е. к тем, кто как бы из другой жизни. Это одна их характеристик афганской войны как чужой, не сплывающей военнослужащих.

В Москве Артему Боровику удалось встретиться с Питером Арнеттой, представителем журнала «Пэрейд», который рассказал о своем нелегальном странствии по Афганистану и принципах деятельности на войне журналистов из других стран, в частности американских: *«Позиции американского журнализма позволяют нам заглядывать по разные стороны баррикады. Эти позиции обеспечивают нам свободу мысли»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 30. – С. 19). Таким образом, очевидна проблема объективности: у советских журналистов не было возможности наблюдать войну с позиций противника. В конце беседы Питер сказал: *«Мне интересно узнать, опубликует ли «Огонек» нашу сегодняшнюю беседу. Если рискнет, это станет моим вкладом в вашу кампанию гласности»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 30. – С. 19).

Примечательно: в публикациях о войне Боровик делится и собственными размышлениями по поводу своей профессии: *«У журналистов, прокуроров, следователей и разведчиков есть одна общая черта... Все они душу готовы продать ради интересной информации...»* (Спрятанная война, 1989 – № 51. – С. 28). Во время десантирования Артем Боровик разговорился с солдатом о том, что тот собирается делать после армии. Молодой человек ответил, что пойдет учиться на факультет журналистики, так как хочет сам написать про Афганистан, потому что пресса не правильно информирует читателей: *«Просто вы пишете одно, а мы видим другое. Если бы я не читал газет, никогда не узнал бы, что здесь сейчас примирение в самом разгаре»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 12).

Автора волнует проблема утраты людьми представлений о человеческом достоинстве и гуманизме. Артем Боровик описывает ситуацию, услышанную от военных: три солдата попали под военный трибунал потому, что, находясь в алкогольном опьянении, отправились в соседний кишлак за едой и наркотиками. По пути они напали на мирных жителей, убили старика и нескольких женщин. На суде в свою защиту один из солдат сказал: *«Когда на операциях я по вашему приказу двадцать человек в день на тот свет отправлял, вы говорили – молодец! Отличник боевой подготовки! На Доску почета! А когда я жрать захотел – хорошо, надолбился я тогда, пьяный был – и пошел за бараном, потому что продовольствия не было, убил таких же людей, что и всегда убивал, на сей раз не по вашему приказу, вы меня судить вздумали?!»* (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 28). Двое солдат были приговорены к расстрелу, один – к 15 лет в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

В Афганистане Боровику удалось увидеть и поговорить с десятками людей. И если солдаты попадают на войну по долгу службы, то у сотрудников столовых, обслуживающих военных, разные истории: непредсказуемость, а порой и жестокость человеческой судьбы знакома этим людям. Посещая военные столовые, журналист не упускает возможности поговорить с сотрудниками, узнать подробности их судеб и причины нахождения в

Афганистане. Одна из официанток рассказала свою историю: *«У меня сын. Его призвали, и он должен был ехать в Афганистан. Я узнала об этом и тоже пошла в военкомат проситься сюда. Чтобы с ним в одной части быть. Но случилось так, что его отправили служить в Кишинев, а я вот оказалась здесь»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 11). В столовой другой воинской части Артем Боровик услышал от сотрудницы: *«В Союз возвращаться страшно. Я, собственно, и уехала из-за проблем: семейных, денежных, сами знаете... Понимаете, я так устала от нашей с ним (мужем) бедности, от долгов, что однажды не выдержала и сказала ему: “Ты бы, Коль, съездил на Север. Подзаработал, а?” А он наотрез отказался... Тогда я сказала, прекрасно понимая, что он не позволит: “Если ты не хочешь, я сама поеду и привезу деньги”...А он ничего не возразил. Просто повернулся на другой бок. Даже не поинтересовался куда. Так вот...»* (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 29).

Ни одного солдата во время военных действий не минуют боевые ранения. Помимо того, что каждый день может стать последним, ежедневно приходится видеть боль других. К физической боли прибавляется духовная, причем вторая может стать намного сильнее. Военные, с которыми встретился журналист, отмечают, что большинство солдат не сразу замечают ранения: *«Никогда не знаешь точно, сколько времени проходит с момента ранения до того, как начинаешь чувствовать боль. Иногда – секунда. Иногда – час. Иногда – больше чем вечность»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С. 20). Поднимаемая автором проблема заключается в том, что физическая боль уходит на второй план, а чувства, переживания выходят на первый. Размышляя о физической боли, А. Боровик обращает внимание на природу, порой сравнивая ее с состоянием человека: *«Это как далекая-далекая гроза: молния вспыхнула, а громыхнуть забыла»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С.20). И хотя тема ранений и боли серьезная, при повествовании автор не обходится без юмора: А. Боровик включает в текст историю лейтенанта, который получил боевое ранение, но не заметил его, пока об этом не сообщил солдат: *«Товарищ*

лейтенант, у вас вроде дырочка...» (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С. 20).

Поднимая серьезные темы и обращая внимания на проблемы, которые должны заставить задуматься и посочувствовать, автор прибегает к использованию выражений, которые могут вызвать на лице улыбку. В одной из публикаций журналистом была затронута тема юмора на войне: сами солдаты говорят, что без юмора порой невозможно справиться с обстоятельствами. Например, десантник Симонов поделился с А. Боровиком своими соображениями: *«Юмор – такой же элемент экипировки десантника, как рюкзак, панاما или горные ботинки»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 11), – это средство, которое позволяет проще относиться к вещам, недавно вызывавшим страх: смерть, гибель товарищей и т.д. Раскрывая тему, автор описывает забавные случаи, рассказанные ему солдатами, или ситуации, свидетелем которых стал сам. Например, Боровику удалось наблюдать, как во время перелета к месту назначения солдаты делились друг с другом анекдотами, вот один: *«Солдат приходит к командиру и просит позволить ему командовать армией в течение одной минуты. Командир любит демократию и потому соглашается: разрешает солдату сесть на свое место. Тот усаживается, ставит генерала по стойке смирно и говорит: “С этой минуты ухожу на месяц в отпуск. Ты остаешься за меня”»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 11).

Среди волнующих автора и его героев тема – «течение» времени. На «гражданке» каждый замечал, что в разные моменты жизни время течет по-разному. На войне – то же самое. Так, подполковник Владыкин поделился с автором своими размышлениями: *«Иногда оно сжимается, и не успевает сознание зафиксировать начало одной недели, как ей на смену несется другая. А порой один день имеет такой же объем как... жизнь»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 22).

Все солдаты, попав в зону военных действий, находятся в непривычной для себя обстановке, и здесь всплывает тема отношений между людьми. Особое

значение на войне приобретает дружба: *«За день... ты успеваешь близко сойтись с десятком новых, ранее совершенно незнакомых людей, которые почему-то говорили тебе все или почти все, да так, что их жизни становились частью твоей жизни, твоего опыта, и ты начинал загодя вместе с ними любить их друзей, детей, даже жен и ненавидеть все то, что ненавидели они...»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 22). Дружеские отношения помогают солдатам выстоять испытания, которые приготовила для них война.

Автор поднимает тему внутреннего преобразования, трансформации человека, побывавшего на войне. Это уже не тот человек, каким он был раньше: боль, страх, удаленность от Родины, смерть товарищей меняет сознание. Один из военных поделился с журналистом своими воспоминаниями: *«Когда я прощался в Союзе с Элькой, сразу понял, что прощаюсь не только с ней, но и с собой. Тем собой, каким я уже больше никогда не смогу быть...Трансформация из “молодого” в “черпака” (солдат, отслуживший полгода в Афганистане – М. Б.), а потом в “гражданина” очень точно, между прочим, передает основные этапы становления солдатской психики»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 24). Солдат по фамилии Охотников так размышляет об изменениях, которые произошли с ним: *«Первые войны (боевые действия, на местном жаргоне – М. Б.) были мрачными. Вместе с потом начали выходить мамины компоты, лень и даже прежнее отношение к жизни... Война приучает тебя думать о других больше, чем о себе. Даже погибнуть ты не имеешь права, ведь твой труп вынуждены будут нести четверо других ребят, а им и без того дел хватает»* (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 10). Другой персонаж, Игорь Ковальчук, поделился с автором историей своего «преобразования». После приезда на войну ему пришлось услышать от своего капитана: *«Вот, братва, теперь вы мясо, натуральное мясо, предназначенное для шлаков. Запомните мои слова: вы должны стать волками или умереть – одно из двух. Не нюхав крови, не можешь жить, не можешь бегать, тебя загрызут!»* (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 27). Ковальчук не воспринял поначалу

слова капитана всерьез, недоумевал: «...Почему он такой злой, что мы ему сделали, за что на нас набросился?», – но, как признался автору, «...Через месяц я был хуже его. Получив должность разведчика, заслужив доверие старших ребят похабными шуточками, я чувствовал, как меня засасывает огромный кровавый водоворот, в котором я теряю способность думать, только работаю штыком, прикладом и прицелом. Я стал как все: закрывал глаза навшим товарищам без дрожи в руках, курил наркотики, кисло-сладкий запах крови уже не переворачивал мои внутренности тошнотой, при стрельбе в упор мои глаза не закрывались... Я превратился в заедаемого вшами матерого волка...» (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 27).

С некоторыми происходят значительные изменения, и они больше не представляют своей жизни без войны. Сложность послевоенной социализации личности становится проблемой для некоторых людей. Так, Олег Гонцов отслужил в Афганистане с 1980 по 1982 гг., вернулся в Союз, но потом пришел в военкомат и попросился обратно: «Не могу я вернуться обратно в мир, пробовал – не получается» (Десант севернее Кабула, 1988 – № 4. – С. 12).

Артем Боровик замечает: каждый попавший в Афганистан проходит через четыре стадии осмысления того, что там происходит. Первая стадия длится до трех месяцев, человек думает, что война идет нормально, нужно добавить двадцать-тридцать тысяч войск, и все будет отлично. Вторая стадия (до 5 месяцев): тридцатитысячной добавкой не обойтись: нужна еще одна армия. Третья стадия (еще полгода): что-то здесь не так, ну мы и вляпались. Четвертая стадия: «...нужно делать отсюда ноги. И чем быстрее, тем лучше» (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 20).

Еще одна важная проблема – отношение к смерти. Если вне войны человек изредка задумывался о смерти, то военные действия ставят каждого в такие условия, когда мысли о ней посещают чуть ли ни каждый день: никогда не знаешь, какой бой станет последним: «Смерть на войне – дело обычное. Не менее банальное, чем тушенка в сухпайке или мозоли на ногах. О ней говорят запросто. Порой – с юмором» (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С.

20). Общаясь с военными, А. Боровик узнает о разном отношении к смерти. Например, полковник Пешков считает, что о смерти нужно думать: *«Мысль о смерти не должна застать тебя врасплох, когда ты будешь измучен или слаб»*, а лейтенант Лукьянов относится к ней с усмешкой: *«Лично для меня она никакой роли не играет: пока я есть – смерти нет, когда она придет, меня уже не будет»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С. 20). Рассматривая тему смерти, журналист обращается к проблеме усиления инстинкта самосохранения у тех, кто участвует в боевых действиях: *«Спасают совершенно не исследованные медиками психологические и физические резервы человеческого организма, начинающие работать в экстремальных условиях»* (Десант севернее Кабула 1988 – № 4. – С. 10).

Автор удивляется, как военные научились настолько легко говорить о смерти, какая по масштабам внутренняя работа должна была быть проведена, если люди с таким спокойствием говорят о ней: *«Я поражался до тех пор, пока не понял: привычка думать о смерти как о естественном, обычном и в конечном итоге том единственном, в чем человек может быть абсолютно уверен, уничтожает всякий страх перед ней»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С. 20).

Разговор об отношении к смерти подводит автора к особой микротеме – беспредельная преданность делу: смертельно раненные солдаты выполняют свои обязанности до последнего вздоха. А. Боровик рассказывает историю лейтенанта Лобачевского, о котором услышал от майора Новикова: лейтенант, раненный прямо в сердце, связался по рации с КП и успел доложить: *«Разрешите выйти. Я убит»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 28. – С.20). Здесь поднимается проблема верности воинскому долгу, ведь не каждый человек способен до самых последних секунд жизни воевать с противником: чувство страха и инстинкт самосохранения в большинстве случаях берут верх.

В противовес преданности долгу автор поднимает и проблему дезертирства, упадка морально-политического духа: *«Не каждый солдат может объяснить, за что в конечном итоге он воюет»* (Встретимся у трех

журавлей, 1987 – № 29. – С. 21). В разговоре с полковником Абдулой Факир-заде выяснилось, что причин для этого масса. Например, солдаты в Афганистане получают денежное довольство в пять раз меньше, чем повстанцы в бандах противника.

Артему Боровику удалось пообщаться с солдатом, который несколько лет назад дезертировал из Афганистана дважды, но вновь был возвращен на войну. Игорь Ковальчук, харьковчанин, человек с «бычьим лицом», поделился с журналистом своей историей: насмотревшись на ужасы войны, он пришел к мысли, что лучше покинуть эти места: *«За два года я выполнил все приказы, которые мне давались. Потом подумал: не могу я так жить больше!!! Не могу жить в этом обмане! Господи, думал я, ведь он меня будет преследовать всю оставшуюся жизнь. Я постараюсь, конечно, залить ложь водкой. Но найти себя не смогу. Даже написать о пережитом не смогу. Ведь тогда, в восьмидесятом году, замполит говорил, что по возвращении из Афгана мы не имеем права рассказывать про войну. Я решил уйти, тогда мне осталось всего десять дней до отъезда...»* (Спрятанная война, 1989 – № 50. – С. 28). После первого побега следствие над солдатом шло в течение четырех месяцев. За это время он совершил свой второй побег.

Размышляя о проблеме, А. Боровик отмечает, что существуют разные причины для побега из Афганистана: кто-то не может видеть смерти других, другой не понимает, за что он сражается, а у третьего и вовсе сугубо личные причины. Алексей Переслени, который дезертировал, попал в плен, а позже оказался в Америке, рассказал автору, почему решился на дезертирство: *«Я ушел... вернее, убежал после очередного боя в виноградник, забыв автомат в части. Так что «духи» взяли меня, безоружного, тепленького. Они, кстати, тоже круто лупили меня – за то, что сдался в плен без АК... Я убежал из части не для того, чтобы перейти на сторону повстанцев. Я, веришь – нет, хотел пешком добраться до Италии. Считал, что там есть у меня родня...»* (Спрятанная война, 1989 – № 51. – С. 29).

Неоднократно автором поднимается тема отношения к религии. И в связи с ней в публикациях можно обнаружить обсуждение нескольких проблем. Одна из них – условия военных действий заставляют даже атеистов обращаться к Богу, т.к. это дает им силы и надежды на возвращение домой: *«Как-то раз в нужнике я стал невольным свидетелем страстной, неистовой молитвы здорового сержанта-спецназовца. Я скорее мог поверить в самое невероятное чудо (например, что мы выиграем войну), но только не в то, что видел своими глазами. Парень был олицетворением несокрушимой мощи спецназа – надежды наших надежд... Не помню, о чем он просил, помню что сортир был единственным безопасным местом в той части, куда не мог проникнуть вездесущий глаз замполита, который, скорее всего, тоже молился втихаря, но не там и не в то время»* (Спрятанная война, 1989 – № 46. – С. 17).

Другая проблема, противоположная, – легкий отказ от веры. Автор удивляется, как легко «душманы», в большинстве глубоко религиозные люди, отрекаются от Аллаха, и вспоминает историю, когда попавшему в плен «душману» разрешили выпить немного спирта. Он попросил еще, ему дали закусить тем, что было на столе, – тушенкой. На вопрос Боровика: «Разве разрешается солдатам Аллаха пить спирт и есть свинину?» – «душман» ответил: *«Мы под крышей, Аллах не видит»* (Встретимся у трех журавлей, 1987 – № 29. – С. 21). Так, для одного вера становится всем, а другой способен променять веру в Аллаха на кусок мяса и алкоголь.

2.2 Жанрово-стилистические характеристики публикаций журналиста

В своих материалах в «Огоньке» Артему Боровику удалось погрузить читателя в особенности жизни советских военных в Афганистане. В девять публикаций вошли переживания, мечты и надежды советских солдат. Первые три материала, объединенные названием «Встретимся у трех журавлей», и четвертый – «Десант севернее Кабула» – имеют подзаголовок: «Афганистан: дневник репортера». Серию из пяти статей, объединенных названием

«Спрятанная война», сам автор в небольшой заметке, предваряющей материалы, определил как документальную повесть: *«это рассказ о том, что сам автор видел и испытывал в Афганистане. О том, что человек делает на войне и что война делает с человеком»* (Спрятанная война, 1989. – № 46. – С. 17). Документальная повесть предполагает описание реальных событий с реальными действующими лицами.

Отец Артема, Генрих Боровик, в некоторых интервью (например, в опубликованном на сайте «Российской газеты» «Профессия: очевидец» от 16.11.2004 г. и на сайте радиостанции «Эхо Москвы» «Артем. Афган. Война (К 25-летию вывода советских войск из Афганистана)» от 16.02.2014 г.) называет публикации сына очерками.

Можно считать, что материалы Артема Боровика совмещают в себе черты документальной повести, очерка, рассказа и репортажа. Мы будем называть жанр, в котором написаны работы, документальной повестью, потому что так их определил автор.

Наряду с репортажными элементами, описаниями деталей, в публикациях можно встретить и элементы мини-очерка. Например, автор присутствовал на заседании Ставки Верховного Главнокомандования Республики Афганистан во главе с Генеральным секретарем ЦК НДПА Наджибуллой и вот как передает это в своем материале: *«Генерал-лейтенант докладывает о том, что произошло за сутки: “...мятежники обстреляли 8-й погранполк: убитых нет... Во время выполнения учебного полета столкнулись два афганских истребителя «МИГ-23» оба пилота остались живы, но сейчас идет расследование... В районе Рабатак местный житель подорвался на mine”. После отчета началось обсуждение ряда проблем, которые требуют решения. Говорили о более эффективном использовании территориальных войск, об увеличении призыва в армию, обсудили советско-афганскую операцию по высадке десанта северней Кабула, которую планировали на следующий день. Подполковник Борисов проинструктировал военных о том, как следует проводить завтрашнюю операцию. Все то, о чем напоминал он подчиненным, на первый взгляд здесь, в*

кабинете, могло показаться банальным набором прописных истин, но там, на боевых, неизменно оборачивалось успехом или неуспехом всей операции, жизнью или смертью солдат» (Десант севернее Кабула , 1988. – № 4. – С. 9).

Повествование ведется линейно, последовательно. Если автор вспоминает истории, детали, связанные с описываемыми событиями, то мастерски внедряет их в текст: *«Сквозь мимолетную дрему я слышу знакомый мотив. Открываю глаза: это электронные часы Скляра пищат из соседней бойницы. Он приобрел их в дукане: вместо тривиального пиликанья они ежечасно играют коротенькую мелодию из кинофильма «Мужчина и женщина». Приятно и невероятно странно слышать ее здесь, в ночной засаде. Закрываю глаза, сквозь дрему вспоминаю, как смотрел эту картину в маленьком ловозерском кинотеатрике у саами на Кольском полуострове. Вокруг лежала немая тундра, бродили по ней стада оленей, а от одиноких остроконечных чумов тянулись в небо тонкие струи голубого дыма... И вообще где я? В кольской тундре?... Или мерзну в степи Таррака в пятнадцати километрах от афгано-пакистанской границы?»* (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 30. – С. 18). Такие отступления, как правило, отделены от основного текста и напечатаны шрифтом меньшего размера.

А. Боровик старается показать военную жизнь глазами и молодых ребят, которые попали в Афганистан, и старшими по званию военачальниками. Автор не стоит в центре публикаций – он участник событий, исследователь, который изучает факты, беседует с людьми. В центре каждой публикации 1-3 человека, через их рассказы, мысли, мнения Артем Боровик показывает жизнь на войне. Временные рамки событий, описываемых в документальной повести, – один-три дня. При повествовании сохраняется хронология происходящих событий.

Особенно яркие представлены рассуждения в первом материале цикла «Спрятанная война». В нем не ведется повествования о событиях – он построен на описании и рассуждении. Боровик размышляет о причинах, последствиях войны, приводит мнения разных людей, экспертов, политологов, с которым ему удалось пообщаться. Публикация насыщена вопросами, версиями: *«Чему мы,*

обуреваемые идеей мессианства, хотели научить афганцев, если сами не научились вести как следует собственное хозяйство?<...> Но где искать начало нитки, образующей клубок под названием “война в Афганистане?”» (Спрятанная война, 1989. – № 46. – С. 19). Не удерживается автор от сравнений с литературными произведениями: «Порой мы напоминаем тех самых астронавтов из знаменитого фантастического романа Станислава Лема, которые, отчаявшись распознать сущность мыслящего океана на планете «Солярис», решили воздействовать на него пучками сверхжесткого рентгеновского излучения. Астронавты полагали, что изучают «Солярис», но на самом деле он изучал их» (Спрятанная война, 1989. – № 46 – С. 19).

А. Боровик пытается показать афганскую войну не столько с помощью собственных впечатлений и чувств, сколько через эмоции и переживания десятков советских военных, дополняя их своими замечаниями и авторскими отступлениями: *«С самого момента высадки тебя не оставляет ощущение, что ты взят на невидимый прицел» (Десант севернее Кабула, 1988. – № 4. – С. 12). Так, размышляя о войне, журналист приводит соображения одного из советских солдат, оказавшихся теперь в Америке: «Возьмем для примера девять лет войны в Афганистане. Страна перескочила от убеждения, что «война – это святое, патриотическое дело», к уверенности в том, что «война – это ад, мерзость и позор», не только без каких-либо сомнений, но и без всякой промежуточной стадии» (Спрятанная война, 1989. – № 51. – С. 30).*

При описании военной жизни Артем Боровик обращает внимание на природу Афганистана и не упускает возможности дать ее описание или охарактеризовать специфические природные явления: *«Внизу, прямо у нашего БТРа, танцует волчок из пыли и песка. Он вращается все быстрее, закручивая уже мелкие камешки и сухие ветки. Он пляшет на одной ноге, вертясь вокруг своей оси, как прима-балерина, завораживая зрителя, увлекая его и все вокруг в свой головокружительный танец. Это “афганец”» (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 28. – С. 22). Боровик часто приводит описание неба: «Над головой грязным, сырым холстом висит расстрелянное небо. В нем молча, с*

остервенением дерутся два белых орла. Птицы тоже привыкли к войне» или *«Тяжелое небо, словно дымчатый светофильтр, очень нехотя пропускало солнечные лучи»* (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 28. – С. 22).

Посетив США для разговора с попавшим в плен участником афганской войны, автор не упускает возможность поэтично описать и природу Америки: *«Солнце взлетало над Сан-Франциско быстро-быстро, словно желтый воздушный шар. И уже часам к девяти утра город был до краев залит воскресным солнечным половодьем»* » (Спрятанная война, 1989. – № 51. – С. 28); другой пример: *«Сумерки тронули душистый парковый воздух легкой фиолетовой краской»* (Спрятанная война, 1989. – № 51. – С. 28). В каждой публикации А. Боровика можно увидеть такие лирические отступления.

Рассказывая о судьбах людей, Артем Боровик не обходится без описания внешнего портрета собеседника, уделяя внимание особенностям их поведения, манерам: *«Его (подполковника Борисова – М. Б.) раскатистый бас вырывался из волевого, грубо очерченного рта. Время от времени он умолкал, что-то обдумывал. До синевы выбритые щеки подполковника напоминали стальной лист, покрытый тонким слоем светло-коричневой эмали»* (Десант севернее Кабула, 1988. – № 4. – С. 9). Вот портреты других персонажей – полковника: *«Усы полковника Абдуллы Факирзаде полностью закрывали его постоянно говоривший рот, а мощный, в треть лица, до стального блеска выбритый подбородок не двигался. И потому он иногда казалось, что речь его льется из глаз цвета южной беззвездной ночи»* (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 29. – С. 21) – и солдата: *«Взгляд светлых ясен и прям, как и сама двадцатилетняя жизнь Симонова. Но если посмотреть в них чуть внимательней, то увидишь такую бесконечную даль, от которой пробежит холодок по коже»* (Десант севернее Кабула, 1988. – № 4. – С. 10).

Интересно: в разговоре о войне автор высказывает свое мнение по поводу отвлеченных вещей, делает небольшие отступления: *«Спор вообще одно из самых бессмысленных занятий в жизни человека. Спор рождает не столько истину, сколько ненависть. Тем более, если в словесной дуэли участвуют люди,*

стремящиеся не понять друг друга, а еще сильнее укрепить свои изначальные позиции» (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 30. – С. 20), – другой пример: *«Ясновидение – это трагедия, а не дар. Даже самый мудрый из мудрейших теряет ощущение реального времени. Он видит только будущее, но не настоящее»* (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 30. – С. 20).

Детали, которыми насыщены все публикации А. Боровика, создают эффект присутствия и позволяют читателю «наблюдать» события. Например, при перелете из одного военного пункта в другой, Артем Боровик обратил внимание, что разговаривать в таких условиях тяжело из-за шума – приходится кричать, а от этого устает горло. Автор замечает надписи, выцарапанные в кабине вертолета, на сидениях: *«Не переживай, всякое бывает. Пусть переживает тот, кто забыл тебя. Не грусти о прошлом. Просто верь в себя»*; *«Не суетись!»* (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 29. – С. 23); *«По оконному карнизу ковылял сизый голубь с розоватыми ободками вокруг строгих глаз»* (Спрятанная война, 1989. – № 51. – С. 27).

Автор включает в публикации истории, рассказанные ему в Афганистане или те, очевидцем которых ему довелось стать самому. Так, Артем Боровик представляет вниманию читателей картину, которая, по его словам, запомнилась ему на долгие годы: *«У гостиницы стояла женщина в чадре, с ребенком на руках. Ребенок умер по дороге из Пакистана еще несколько дней назад, но она по-прежнему никому не отдавала мальчика. Тельце его одеревенело, став синим. Это было самым страшным из того, что я видел в Афганистане...»* (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 29. – С. 33). С помощью таких эпизодов читателю проще понять военных, находящихся в зоне военного конфликта, и многие явления, происходящие на войне. Другой пример – фрагмент о маленьком таджикском поселке, расположенном в 300 метрах от войны, это – *«граница между миром и войной»*: на одной стороне 1987 год, социализм, а на другой живут в 1366-м, при феодальном строе с родоплеменными пережитками. Но один раз война зашла и в этот поселок, унеся жизнь 25-летнего парня. У отца погибшего остался вопрос, который не даст ему покоя всю оставшуюся жизнь:

«Только не могу понять, почему именно он?» - самый печальный в мире вопрос, который так часто слышишь о войне» (Спрятанная война, 1987. – № 29. – С. 22).

Публикации Боровика содержат прямую речь его собеседников, авторские отступления, в которых журналист обращает внимание на природу или делится своими соображениями, историями, которые вспомнились. Автор использует простые (*«Очень часто душманы стремятся вызвать взаимную перестрелку между нашими подразделениями» (Десант севернее Кабула, 1988. – № 4 – С. 9)*), осложненные (*«Слева и справа мелькали алые пятна маков, безобидных на вид, но таивших в себе наркотический призрак, который после долгих мытарств по белу свету обретет наконец плоть в виде блеклого порошка, чтобы превратиться в грезу или галлюцинацию наркомана где-нибудь на 12-й стрит Манхэттена» (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 29. – С. 23)*), сложные конструкции (*«О куреве немислимо и помечтать: даже если ты ладонями прикроешь огонек, «дух» все равно увидит его слабое сияние сквозь твои руки через прибор ночного видения» (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 30. – С. 18)*). Чаще всего это усложненные конструкции. Средний объем каждой публикации – четыре полосы живого яркого текста, наполненного эмоциями.

Особое внимание вызывают названия документальных повестей Артема Боровика. Заголовок, объединяющий первые три публикации, – *«Встретимся у трех журавлей»* – становится понятным только при знакомстве с третьим материалом. Солдаты размышляют, что будет на территории Афганистана после войны. Один из них предполагает, что когда-нибудь в этой местности откроют горнолыжный курорт, на котором они могут встретиться, на что получает нервный ответ товарища: *«Да пусть они хоть фуникулерных ниток там натянут, я сюда больше ни ногой. Давайте-ка лучше встречаться в Союзе. Скажем, у скульптуры трех журавлей в Ташкенте. Идет?» (Встретимся у трех журавлей, 1987. – № 30. – С. 19)*. Военные согласились устраивать такие встречи. После воспроизведения этого диалога Боровик отмечает, что его участники не дожили до демобилизации меньше месяца.

Четвертая публикация – «Десант севернее Кабула» – названа так, потому что в ней обозначено географическое расположение десантирования, свидетелем которого стал автор. «Спрятанная война» – название, объединяющее пять материалов, оно дает понять, что эта война, окруженная множеством версий и ореолом таинственности, оставила после себя много неясностей. Нам остается только гадать об истинных причинах и последствиях войны в Афганистане: *«Ни его (А. А. Громько – М. Б.), ни Устинова, ни Андропова, ни Брежнева уже нет в живых. И тайну, связанную с вводом наших войск в Афганистан, они не забыли прихватить с собой, но, правда, великодушно оставили нам возможность свалить всю вину на них, тем самым спасти тех, кто еще здравствует»* (Спрятанная война, 1987. – № 46. – С. 19).

Журналист использует общеупотребительную и ограниченную в употреблении лексику. Во всех материалах автор активно употребляет сленг, который понятен лишь военным, находящимся в Афганистане. Это сделано для того, чтобы еще больше приблизить читателя к солдатам, создать эффект присутствия. Каждое новое, непонятное читателю слово помечено сноской, и ему дано пояснение, например, «духи» – душманы, «зеленка» – зона зеленой растительности, «шувари» – советские, «кафан» – белая материя, в которую здесь оборачивают умершего перед погребением, «СПС» – стационарный пункт для стрельбы, «черпак» – солдат, отслуживший в Афганистане полгода, «ханум» – женщина, «соляра» – пехота, «ТВД» – театр военных действий, «РД» – рюкзак десантника, «ягоды» – люди, «кефир» – дизельное топливо, «пчела» – вертолет «МИ-8», «слон» – танк, «чайка» – машина, «сметана» – бензин. Встретился профессионализм – крутить баранку.

Тексты Боровика построены с использованием прямой речи: автор воспроизводит фрагменты диалогов между военными, свидетелями которых он стал, стремится передать манеру речи своих собеседников, например, привычку американца смешивать слова их нескольких языков: «Проходи в ливинг-рум», «вот и вери гуд», «мы знакомимся с ней, а я чувствую, что уже по уши ин лав» (Спрятанная война, 1989. – № 51. – С. 29-30). Речевая характеристика героя,

слова, активно используемые человеком, помогают создать речевой портрет, сделать более полным образ.

Документальная повесть насыщена побудительными и вопросительными предложениями.

Для усиления воздействия, образности Артем Боровик использует разнообразные средства выразительности. Самые популярные – эпитеты и метафоры: *израненная дорога* (говоря о следах на ней от сражений), *сахарные пики* (вершины гор), *рыжая пудра* (пыль), *безразличные ко всему в этом мире ослы*, *хриловатый голос*, *панически-емкие приказания*, *роскошные усы*, *пронизывающий насквозь рентгеновский взгляд*, *пестрые автобусы*, *по-военному четкий почерк*, *оранжевые рассветы и фиолетовые закаты*, *вишневые ногти*, *покрытая плесенью долька мандарина (луна)*, *кремлевские старцы*.

Использует автор и сравнения: *блинообразные облака*, *медленно, словно жидкое тесто на сковороде, растекающиеся по небу*; *дорога блестит, словно размотанный в длинную ленту рулон фольги*; *ветер долго гонялся за тучами, слово собака за голубями во дворе*; и олицетворения: *солнце мастерски маскируется за тучей*, *луна мерит шагами небосвод*, *солнечный ветер сквозняком носился по аккуратным улочкам*, *шумел в пальмовых листьях*, *гладил теплой ладонью лица людей*; *шумел океан, тщательно вылизывая бежевые пляжи*.

Намеренное использование повторений, тавтологий необходимо для усиления воздействия, привлечения внимания: «Случайно случился случай?» (Спрятанная война, 1989. – № 46. – С. 17).

Для создания эффекта присутствия в текстах Боровика используются глаголы настоящего времени: *мы рассмеялись*; *протягивает коробок*; *я сижу с Симоновым*; *я просыпаюсь в четыре тридцать*; *кричит на весь аэродром* и т.д. В документальной повести встречается большое количество причастных и деепричастных оборотов: «*взвалив на взмоклие спины РД*» (рюкзак десантника), «*здороваясь со мной, он почти до плеч закатал рукава своего балахона*», «*он и*

его сообщники, увидев на улице женщину без чадры, прыскали ей в лицо кислоту», «вертолеты садились, высаживая десант».

Боровик активно использует цитирование: *«Один из английских военачальников в Афганистане, сэр Робертс, еще сто лет назад писал: “Нам не надо бояться Афганистана и лучше всего предоставить ему самому решать свою судьбу. Может быть, это и не столь привлекательно для нас, но я чувствую, что прав, когда утверждаю: чем меньше они будут видеть нас, тем меньше ненавидеть. Даже если предположить, что Россия попытается вторгнуться в Афганистан или захватить через него Индию, у нас будет значительно больше шансов перетянуть афганцев на свою сторону, если мы воздержимся от какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела”»* (Спрятанная война, 1989. – № 46. – С. 19). Автор воспроизводит и фрагмент из личного дневника солдата, отданного ему при мимолетном знакомстве. Все это усиливает документальность произведений публициста.

С этой же целью А. Боровик внедряет в повести статистические данные: *«По официальной статистике, за годы войны мы потеряли в нашем южном «подбрюшьи» около 15 тысяч людей, были ранены 36 тысяч. Без вести пропавших – более 300. Старческое мановение брежневской руки стоило нам около 60 миллиардов рублей»* (Спрятанная война, 1989. – № 46. – С. 20).

Большую часть публикаций Боровика сопровождают одна-две фотографии, сделанные Артемом на войне. Есть фотографии с изображением военной техники, но на большем количестве фотоснимков изображены люди: портретные снимки советских солдаты, мирные жители, ставшие заложниками этой войны, дети, в глазах которых читается страх и ужас, когда взор их падает на военных. В одной из публикации использовано фото Николая Амельченко, в другой – рисунок Натальи Макаровой, на котором изображен советский военный.

Выводы к главе II.

Документальная повесть А. Боровика об афганской войне поднимает целый список тем и проблем для размышлений. Начиная с размышлений о

причинах и итогах войны, интернациональном долге, автор переходит к более личным, интимным проблемам, например, отношение солдат к смерти, боли, к вере.

Через диалоги между героями публикаций автор выражает мнения сотен советских солдат, оказавшихся вдали от дома. А. Боровик делится своим мнением по многим проблемам, делая авторские отступления от текста.

Документальная повесть, жанр, определенный автором, сочетает в себе черты репортажа, очерка, мини-отчета, при этом в текстах Артем Боровик делает частые отступления – это описание природы, окружающей обстановки. Он не упускает возможность описать портрет каждого, кто встретится ему на пути.

В публикациях используются яркие художественно-выразительные средства, цитирование, противопоставление, детализация описания. Эти приемы помогают усилить воздействующую функцию текста, создают эффект присутствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие демократизации и гласности в эпоху перестройки привели к тому, что в советских СМИ начинает появляться более полная и открытая информация о войне в Афганистане. Журнал «Огонек» был одним из популярных изданий периода перемен, в котором публиковались критические статьи, письма читателей, мнения экспертов по разным вопросам, достижения перестройки. После провозглашения гласности афганская война начала освещаться по-другому: если раньше в прессе были небольшие информационные заметки, лишённые статистических данных, то теперь можно было ознакомиться с репортажами и очерками, которые рассказывали о жизни советского солдата, участвующего в этой войне.

Активные события внутри Советского Союза отразились на освещении международных отношений. В «Огоньке» периода перестройки были материалы о советско-американских отношениях, о глобальных мировых проблемах, страноведческие материалы, мнения видных иностранных деятелей, на события, происходящие в мире. В каждом номере журнала периода перестройки есть несколько материалов, посвящённых международным отношениям.

В течение трех лет, с 1987 по 1989 гг., в журнале «Огонек» выходили циклы документальных повестей Артема Боровика о войне в Афганистане. В девяти публикациях автор сумел ознакомить читателя с жизнью советских солдат в условиях афганской войны и поднять ряд тем. О смерти большинство солдат говорят с легкостью и не боятся ее. На войне наряду с физической болью появляется духовная, и она часто заглушает первую: солдаты часто только спустя время обнаруживают ранения. Время здесь течет для всех по-разному: для кого-то бежит, а кто-то считает дни до демобилизации. Без юмора, говорят солдаты, на войне тяжело: это как составная часть боекомплекта: чем проще относишься к вещам, тем легче их пережить.

Говоря о вере, Артем Боровик отмечает, что даже атеисты начинают верить в Бога. В армии есть проблемы дезертирства. Многие солдаты не

понимают, за что они воют: в Советском Союзе их настраивали на сражения против американцев, а по факту, как сказал один из героев публикаций, за все время службы не встретил ни одного американца. Другие переходят на враждебную сторону, причина чаще всего одна: там больше платят. В редких случаях у людей сугубо личные причины.

На войне особое значение приобретает дружба. Нужно постоянно думать друг о друге, помогать: сегодня спас кого-то ты, завтра – тебя. Люди, объединенные общей целью, в этом случае – выжить – всегда отличаются сплоченностью.

На войне с каждым человеком происходят изменения – переоценка ценностей: меняются взгляды на жизнь, на отношения с другими. Происходит деформация личности, некоторые испытывают проблемы с послевоенной социализацией и возвращаются обратно.

Артем Боровик описывает тонкости работы журналиста в горячей точке: сообщает, что, например, без вертолета передвигаться невозможно, что военные реагируют на журналистов по-разному. Солдаты всегда готовы пообщаться, а вот военачальники недовольны – несут за журналиста ответственность. И люди совершенно по-разному рассказывают о себе: кто-то ярко, в красках, с подробностями, а другой сообщает сухие факты.

Автор размышляет о причинах и последствиях войны, приводит мнения экспертов, политологов, статистические данные.

Повествование ведется линейно, сохраняется хронология событий. А. Боровик делает авторские отступления, уделяя внимание описанию природы или собственных мыслей. Эффект присутствия создается благодаря использованию сленга и деталям, которым уделяется много внимания.

Тексты публикаций в большинстве случаев сопровождают авторские фотографии, на которых изображены советские солдаты, военная техника, герои публикаций или местные жители, дети, с ужасом смотрящие на все, что происходит у них дома.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Огонек» начинали читать с писем [Текст] // Огонек, 2014. – №48. – С.30.
2. Авдони́на Н. С. Исполнившие интернациональный долг. Образ «афганца» в советских средствах массовой информации / Н.С. Авдони́на // Свободная Мысль. – М.: Полииздат. – 2015. – №5 (1653). – С.183-206.
3. Андреева Н. Неподаренные принципы, или краткий курс истории перестройки [Текст] / Н.Андреева. – Саранск, 1993. – 385 с.
4. Анохина О.А. Перестройка: содержание, итоги [Текст] / О.А. Анохина. – Омск: ОмЭИ, 2011. – 291 с.
5. Бабюк М. И. Журналистика в период перестройки: трансформация политических и социокультурных функций [Текст] / М.И. Бабюк // Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. – С. 108-109.
6. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985-1991) [Текст] / А.С. Барсенков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – №1-2. – С. 41-73, 4-38.
7. Безбородов А. Перестройка и крах СССР. 1985-1991 [Текст] / А. Безбородов, Н. Елисеева, В. Шестаков – СПб.: Норма, 2012. – 261 с.
8. Бирюков Д. Дорогами Индии [Текст] / Д. Бирюков // Огонек, 1988. – № 4. – С. 25.
9. Бирюков Д. Диалог продолжается [Текст] / Д. Бирюков // Огонек, 1987. – № 8. – С. 2.
10. Блашков Ю. Феномен периодики эпохи перестройки [Текст] / Ю. Блашков // Беларуская думка. – 2012. – №3. – С.74-79.
11. Болотин Е. Китай: время перемен, время надежд [Текст] / Е. Болотин // Огонек, 1989. – № 3. – С. 24.
12. Болотова Л.Д. Радиовещание в годы перестройки (1985-1991) [Текст] / Л.Д. Болотова // Вестник Московского университета, 2007. – №3. – С. 10-22.

13. Боровик А. Музыка может все [Текст] / А. Боровик // Огонек, 1988. – № 31. – С. 7.
14. Брутенц К.Н. Несбывшиеся, равнодушные заметки о перестройке [Текст] / К.Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 2005. – 656 с.
15. Васильев Н. Музей Прадо, век минувший [Текст] / Н. Васильев // Огонек, 1989. – № 32. – С. 8.
16. Вачнадзе Г. Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине [Текст] / Г. Вачнадзе. – М.: АО «Книга и Бизнес», 1992. – 424 с.
17. Верт. Н История советского государства. 1900 – 1991 [Текст] / Н. Верт; пер. с фр. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
18. Геллер М. История России: 1917-1995: в 4-х т. [Текст] / М. Галлер, А. Некрич Том 3. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. – М.: МИК, 2007. – 434 с.
19. Герасимов Г. Письмо американскому журналисту [Текст] / Г. Герасимов // Огонек, 1987. – № 21. – С. 3.
20. Горбачев М.С. В интересах всех народов [Текст] / М.С. Горбачев // Огонек, 1987. – № 16. – С.2.
21. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В двух книгах. [Текст] / М.С. Горбачев. – Кн.1. – М.: АО “Издательство «Новости»”, 1995. – 600 с.
22. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира [Текст] / М.С. Горбачев. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.
23. Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества [Текст] / А.А. Грабельников. – М.: РУДН, 2001. – 330 с.
24. Грабельников А.А. Общественный диалог в перестроечных СМИ [Текст] / А.А. Грабельников // Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: Медиамир; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015. – С. 381-382.

25. Ёлкина И.И. Перестройка на страницах «Новгородской правды» [Текст] / И.И. Ёлкина // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, 2015. – №3. – С. 4-8.
26. Есикова Е.М. Английское просвещение и перестройка в СССР как переходные периоды в истории СМИ [Текст] / Е.А. Есикова // Английский язык на гуманитарных факультетах. Сборник научных и научно-методических трудов Московского университета им. М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков. М.: 2011. – №5. – С. 15-22.
27. Есикова Е.М. Возвращение русской литературы (Публикации журнала «Огонек» в годы перестройки) [Текст] / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М.: 2011. – №5. – С. 134-137.
28. Зависит от нас: Перестройка в зеркале прессы [Текст] / Отв. Ред. Т.О. Михалюк. – М.: МЦИ, 1988. – 359 с.
29. Иванова Н. Женщины мира в Москве [Текст] / Н. Иванова // Огонек, 1987. – №26. – С.2.
30. Идет охота на людей [Текст] // Огонек, 1987. – № 9. – С. 18.
31. Капранова Ю.Г. Социально-политические и экономические преобразования в СССР на страницах журнала «Огонек» (1985-1991 гг.) [Электронный ресурс] / URL: <http://kafedramk.ru/content/sotsialno-politicheskie-i-ekonomicheskie-preobrazovaniya-v-sssr-na-stranitsah-zhurnala-ogone> (Дата обращения: 15.04.2016).
32. Каратаев Д.С. «Огоньковская» легенда: к истории публицистики первых лет «перестройки» [Текст] / Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Изд-во: Российский государственный гуманитарный университет. – М.: 2015. – №4. – С. 58-63.
33. Кашарина В.В. Тема афганской войны (1979-1989 гг.) в освещении современных казахских печатных СМИ [Текст] / В. Кашарина // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Материалы всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Проблемы массовой

- коммуникации: новые подходы» 30 октября 2014 г. Ч.1. / под общей редакцией В.В. Турупова. – Воронеж, 2014. – С. 72-73.
34. Ковалев В. Берлинское настроение [Текст] / В. Ковалев // Огонек, 1988. – № 41. – С. 17.
35. Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации [Текст] / М.М. Козлова. – Ульяновск: УлГТУ, 2000. – 104 с.
36. Коротич В. Китайская специфика [Текст] / В. Коротич // Огонек. – № 35. – С. 16.
37. Кронгауз Е. Вигилянский: в «Огоньке» я понял – народ невежествен и необразован [Электронный ресурс] / РИА Новости URL: http://ria.ru/media_Russia/20131112/976087751.html (Дата обращения: 20.03.2016).
38. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917-2000) [Текст] / И.В. Кузнецов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 640 с.
39. Муравьев Д.Н. Отражение процессов перестройки 1985-1991 гг. на страницах периодической печати [Текст] / Д.Н. Муравьев // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУЭП, 2010. – С. 336-340.
40. Муравьев Д.Н. Провинциальная пресса и цензура в период Перестройки 1985 – 1991 годов [Текст] / Д.Н. Муравьев // Жизнь провинции как феномен духовности: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. 12-14 ноября 2012 г. Нижний Новгород/ под ред. Фортунатова Н.М. – Нижний Новгород, 2010.
41. Мухаметов Р.С. Внешнеполитическая концепция СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления [Текст] / Р.С. Мухаметов // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Вып. 13, 2012. – №33 (287). – С. 7-11.
42. Мухаммад А. Крик о помощи [Текст] / А. Мухаммад // Огонек, 1989. – № 30. – С. 3.
43. Ненашев М. Иллюзия свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985-2009) [Текст] / М. Ненашев. М.: Логос, 2010. – 320 с.

44. Ненашев Перестройка и СМИ [Текст] / М. Ненашев // Родина, 2015. – №11. – С. 130-133.
45. Николаев В. Бомба дети [Текст] / В. Николаев // Огонек, 1987. – № 28. – С. 25.
46. Николаев В. Телетартюфы [Текст] / В. Николаев // Огонек, 1987. – № 19. – С. 32-33.
47. Николаев В. Электронные парадоксы [Текст] / В. Николаев // Огонек, 1988. – № 16. – С. 14.
48. Овсепян Р.П. В лабиринтах отечественной журналистики. Век XX [Текст] / Р.П. Овсепян. – М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2001. – 316 с.
49. Овчинников В. Дорогами Бирмы [Текст] / В. Овчинников // Огонек, 1989. – № 7. – С. 24.
50. Папандреу А. Эта идея может... [Текст] / А. Папандреу // Огонек, 1987. – № 9. – С.19.
51. Польшов М.Ф. М.С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты [Текст] / М.Ф. Польшов // Новейшая история России, 2012. – №2. – С. 136-152.
52. Проблема – дефицит доверия [Текст] // Огонек, 1989. – № 37. – С. 5.
53. Разер Д. Письмо американского журналиста [Текст] / Д. Разер // Огонек, 1987. – № 21. – С. 2.
54. Ростова Н. Рождение российских СМИ [Электронный ресурс] / Н. Ростова. – электрон. текстовые дан. – Москва, 2015. –URL: <http://gorbymedia.com> (Дата обращения 13.04.2016).
55. Савинцева М.И. СМИ эпохи гласности и перестройки [Текст] // Труды по интеллектуальной собственности, Том 9, 2009. - №1. – С. 132-136.
56. Симон А.А. «Больше демократии – больше социализма»: язык журнальной публицистики периода перестройки [Текст] / Политическая Лингвистика. Екб.: Уральский государственный педагогический университет, 2007. – №21. – С. 46-49.

57. Соколова Т.Л. Партийное руководство региональными печатными СМИ в годы перестройки [Текст] / Т.Л. Соколова // Вестник Томского государственного университета, 2015. – № 395. – С. 132-136.
58. Сунгуров А. Ю. Функции политической системы: от застоя к постперестройке [Текст] / А.Ю. Сунгуров. – СПб, 1998. – 288 с.
59. Сырцева Е.А. О гласности и новом политическом мышлении в эпоху перестройки [Текст] / Е.А. Сырцева // Политический вектор – М., Комплексные проблемы современной политики, 2013. – №2. – С.68-71.
60. Тайманов М. Дуэль у подножья Олимпа [Текст] / М. Тайманов // Огонек, 1988. – № 8. – С. 24.
61. Тобольцева Н.М. Отражение перестройки в отечественных СМИ [Текст] / Н.М. Тобольцева // Вестник Московского университета, 2007. – №3. – С. 46-61.
62. Устинкин С. Перестройка и гласность (об источниках формирования современной политической коммуникации власти и общества в России) [Текст] / С. Устинкин, Л. Ульмаева // Власть, 2009. – №10. – С. 24-27.
63. Ушанов П.В. Гласность как политическая технология: характеристика структурных элементов [Текст] / П.В. Ушанов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Ч.2, 2015. – №7(57). – С. 179-183.
64. Цветов В. Роботы и мизантропы [Текст] / В. Цветов // Огонек, 1988. – № 8. – С. 18.
65. Шеффер К. Рональд Рейган. Кино [Текст] / К. Шеффер // Огонек, 1987. – № 17. – С. 11.
66. Шпаро Д. Под лыжами – океан [Текст] / Д. Шпаро // Огонек, 1987. – № 16. – С. 3.
67. Якн С. Журнал «Огонек» пережил революцию и две мировые войны, чтобы встретиться с Виталием Коротичем [Электронный ресурс] / ИА «Обзор. Press» URL: <http://obzor.press/russian/2015/09/21/8713/> (дата обращения 15.05.2016).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боровик А. Встретимся у трех журавлей // Огонек, 1987. – №28. – С. 20-23.
2. Боровик А. Встретимся у трех журавлей // Огонек, 1987. – №29. – С. 21-24.
3. Боровик А. Встретимся у трех журавлей // Огонек, 1987. – №30. – С. 18-21.
4. Боровик А. Десант севернее Кабула // Огонек, 1988. – №4. – С. 9-12.
5. Боровик А. Спрятанная война // Огонек, 1989. – №46. – С. 17-20.
6. Боровик А. Спрятанная война // Огонек, 1989. – №49. – С. 17-20.
7. Боровик А. Спрятанная война // Огонек, 1989. – №50. – С. 27-29.
8. Боровик А. Спрятанная война // Огонек, 1989. – №51. – С. 26-30.
9. Боровик А. Спрятанная война // Огонек, 1989. – №52. – С. 26-29.